

ПАТНІК

ЗОВ
КРОВИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РОМАН ШАЛЬНОВ

18+

Ратник

Роман Шальнов

Ратник. Зов крови

«Автор»

2025

Шальнов Р.

Ратник. Зов крови / Р. Шальнов — «Автор», 2025 — (Ратник)

Действие рассказа разворачивается в средневековом мире, где враждуют два государства — Понтия и Воландрия. Главный герой, Родомир, участник этой войны и он проходит сложный путь от обычного солдата до участника ожесточённых конфликтов, стремясь разобраться в причинах войн и раскрыть тайны прошлого своей семьи.

© Шальнов Р., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Роман Шальнов

Ратник. Зов крови

Глава 1

В воздухе витал тяжелый гул... Звуки ударов стали о доспехи, глухой треск щитов и чавкающий росчерк лезвий по мягкой, податливой человеческой плоти. Сквозь этот лязг прорывались крики — громкие, истошные, возвещавшие о том, что сталь достигла цели. Но постепенно грохот и вопли затихали, становясь всё реже — верный знак того, что штурм замка близится к развязке. Наконец, с разных сторон потянулись доклады: вражеское войско повержено, битва окончена. Через несколько мгновений победу громогласно подтвердил горн.

Голова кружилась. Родомир не понимал, виной ли тому зрелище жестокой сечи или запредельная усталость. Ноги подогнулись, заставляя его осесть на землю и прислониться спиной к опрокинутой телеге. Замерев в этой позе, он смотрел на последствия штурма. Заходящее за горизонт летнее солнце окрашивало багрянцем окровавленные, неподвижные, изрубленные тела. Жизнь еще не окончательно покинула некоторых поверженных воинов, и стоны боли, доносившиеся до него, казались Родомиру невыносимыми. Победа в этом сражении вызывала скорее тошнотворное отвращение, чем радость или триумф. Он прикрыл веки, надеясь, что мир вокруг затихнет, но в ту же секунду почувствовал, как чья-то рука бесцеремонно трясет его за плечо, а над ухом раздается восторженный крик:

— Герой! Проснись! Благодаря тебе мы сегодня одержали славную победу!

Этим «кем-то», как он и ожидал, оказался Боян — друг детства, а теперь еще и брат по оружию.

— Не преувеличивай, — глухо отозвался Родомир. — Я просто пытался не сдохнуть. А чтобы выжить в такой свалке, выбора немного: либо ты, либо тебя. Я свой выбор сделал.

— Брат! — не унимался Боян. — Ты совсем разучился радоваться. То, что мы сегодня совершили, навеки впишет наши имена в летописи Понтии. Мы целый город вернули! Глянь на меня! Ногу почти до кости полоснули, а посмотри на лицо — ни тени грусти!

— Ага, жаль, не по лицу от уха до уха резанули, — с тяжелой иронией отозвался Родомир. — Был бы в разы веселее.

Он взглянул на боевого товарища. На некрасивом лице Бояна с выдающимся, хищным носом и впрямь не было и следа досады. Впалые щеки и тонкие губы растянулись в неестественной улыбке, от которой становилось не по себе. В карих глазах светилось неприкрытое наслаждение, восторг от сознания победы, купленной ценой сотен жизней. Родомир усмехнулся и кивнул в сторону:

— А по-моему, тебя заносит. Вот уж чье имя точно останется в истории, так это вон того мужа.

Они оба обернулись. На небольшую дворцовую площадь города Любеч верхом на коне въезжал герцог Витольд II из Кангена. Площадь перед твердыней замка — последним рубежом обороны, который не выдержал натиска армии Понтии и наемников из королевства Рютинг, — была усеяна телами. Витольд был закован в тяжелый латный доспех, стеснявший движения, но почти не имевший изъянов. На груди красовался герб королевства: пятиконечная звезда в круге. Облаченный в сталь, на мощном коне, герцог выглядел угрожающе, хотя в народе шептались, что боец он заурядный. Зато Витольд всей душой жаждал слыть несокрушимым великим воином. Поскольку амбиции его не совпадали с талантами, а личных подвигов на поле боя не числилось, в душе его поселился болезненный комплекс, сделавший его на редкость жестоким человеком.

Сопровождаемый личной охраной, герцог почти поравнялся с твердыней, как вдруг, резко повернув голову в шлеме, остановил лошадь. Родомир проследил за его взглядом. Там, в дорожной пыли, тяжелораненый воландриец в предсмертной агонии бесцельно полз вперед, сам не сознавая, куда и зачем.

Витольд спешил. Гремя тяжелыми пластинами доспеха, он подошел к солдату, придавил его спину сапогом к земле. Солдат в бреду продолжал перебирать руками, стремясь к одной ему известной цели. Витольд же неспешно снял шлем, перехватил его правой рукой за гребень и принялся методично наносить удары по голове умирающего. Он бил до тех пор, пока металл шлема не лязгнул о каменный настил площади. Только тогда герцог остановился. Голова несчастного превратилась в кровавое месиво.

Гордо выпрямившись и смахнув капли крови с лица, герцог поднял взор к небу и с видимым удовольствием провозгласил: — Какое блаженство — давить этих псов. Хороший воландриец — мертвый воландриец!

Его охрана разразилась хохотом. Сам герцог тоже довольно рассмеялся.

Родомиру было не до смеха. Звериная жестокость Витольда вызывала лишь тошноту. Он хотел было что-то сказать Бояну, но, обернувшись, увидел на лице друга ту же одобрительную улыбку. В горле встал ком: мысль о том, что его товарищ настолько пропитался ненавистью к воландрийцам, была невыносима.

Родомир не помнил тех времен сам, но знал из рассказов матери и дяди: двадцать один год назад, когда он только родился, Понтия и Воландрия были единой страной. Народ, живший на этих землях, был одним народом. А теперь всё это словно стерли из памяти. Ровесников Родомира воспитали на культуре ненависти, внушая им идеи собственной исключительности и значимости. Эта ненависть вспыхнула с новой силой год назад, когда Воландрия вторглась в пределы Понтии, захватила Любеч и двинулась вглубь страны. Сегодняшняя победа позволила Понтии отогнать врага почти до самой границы.

Внезапно площадь пререзал властный голос герцога:

— Кто будет докладывать?! Кто здесь старший?! Где сотник?!

— Он пал, милорд! — выкрикнул Боян, вскакивая. — Я принял командование сотней, штурмовавшей площадь!

— Подойди, боец!

Прихрамывая, Боян поспешил к Витольду. Его левое бедро было обмотано какой-то тряпкой, насквозь пропитанной черной кровью. Приблизившись, он преклонил колено. — Замок взят, милорд. В твердыне забаррикадировались остатки — не больше десятка солдат. — Знатные среди них есть? — Не могу знать, милорд. — Сколько людей ты потерял? — Переключку еще не проводили, но, думаю, моя сотня лишилась трех десятков добрых воинов. Бой выдался на редкость тяжелым. — Да, вижу, что пришлось несладко, — герцог небрежно махнул рукой. — Можешь быть свободен. Сейчас мы выкурим из башни этих тварей.

Боян поспешил отойти, освобождая дорогу свите. Не успел он сделать и десяти шагов, как герцог окликнул его:

— Постой, солдат! Имя?

— Боян, сын Абсея, Ваша светлость.

— Я запомнил тебя. Иди.

Хромая еще сильнее, Боян вернулся к телеге, где отдыхал Родомир. Витольд же подошел к самой башне и зычно прокричал: — Воины Воландрии! С кем из вас я могу говорить?!

Ответа не последовало. Герцог прибавил стали в голосе:

— Сдавайтесь! Мы всё равно достанем вас, но тогда пощады не ждите! — он выдержал паузу. — Пока я даю вам шанс сохранить жизни и сдаться в плен. Даю вам сотню вздохов на раздумья!

В этот момент на площадь прибыла бригада лекарей. Один из них бросился к Родомиру, но тот жестом показал, что цел, и указал на присевшего рядом Бояна. Лекарь быстро размотал окровавленную перевязь — на бедре зияла глубокая рубленая рана. Стоило снять жгут, как кровь хлынула с новой силой. Опытный здравник действовал молниеносно: промыл рану раствором, наложил тугую давящую повязку. Всё заняло считанные мгновения. Закончив, он тут же помчался дальше.

Родомир провожал взглядом этого спасителя, бегущего среди трупов в поисках тех, кого еще можно вырвать из лап смерти. Он видел, как лекарь опустился на колени подле еще живого воландрийского солдата. Но не успел он открыть сумку, как к нему подскочил понтийский воин. Схватив лекаря за шиворот, он грубо швырнул его в сторону, выкрикивая ругательства. Оставив адепта бога Рода в покое, солдат перехватил топор обеими руками и с размаху опустил лезвие на шею воландрийца.

Родомир снова посмотрел на Бояна. Тот был бледен от потери крови, но на его лице всё еще сияла улыбка одобрения — он тоже видел эту расправу.

— Ты чего зубоскалишь? — не выдержал Родомир.

— Брат, да ты посмотри вокруг! — Боян смачно сплюнул в сторону одного из убитых врагов. — Как мы их разделали, а? Поганых псов!

— Я не разделяю твоей радости, — глухо ответил Родомир, опуская голову. — Мне не по себе от мысли, сколько жизней я сегодня оборвал.

— Ну и скольких? А?

— Я... не знаю.

— А знаешь, почему у тебя нет ответа? — Боян хохотнул. — Да потому что тебе плевать! Ты их пластал, словно заправский мясник туши. Будто они и не люди вовсе. Впрочем, они и есть нелюди.

— Ты не прав. Я же сказал: это война, либо я, либо они. А я, знаешь ли, дорожу своей шкурой. Но мне жаль парней с обеих сторон, которыедохнут не пойми во имя чего. Может, ты мне просветишь? — Родомир сорвался на крик.

— Тебе придется несладко, друг, — Боян проигнорировал вопрос. — Глядя на то, как ты владеешь мечом, я понимаю: на твоих руках будет еще очень много крови. Так что мой тебе совет: начни получать удовольствие! Тем более что резать воландрийских собак — дело богоугодное. Патриарх потом оптом все грехи отпустит.

Боян снова рассмеялся, а Родомир посмотрел на него с горьким презрением: — Что ты за урод, если тебе это кажется забавным?

Их взгляды встретились, но Боян быстро отвел глаза и демонстративно отвернулся к башне. Родомир понимал: тот не устыдился. Он просто считал жалость к врагу непросительной глупостью.

Из башни наконец донеслось: — Хорошо! Мы выходим! Сдаемся!

На губах Витольда заиграла злобная ухмылка.

— Я знал, что эти трусы не захотят умирать как воины. И семидесяти вздохов не прошло, — бросил он стоящим рядом офицерам.

Жестами он расставил солдат по бокам от дверей, приказал лучникам держать стрелы на тетиве. Родомир оказался среди тех, кого выбрал герцог. Он встал у входа, обнажив меч.

— Выходите без оружия! Ослушаетесь — умрете на месте! — крикнул Витольд.

Все взоры на площади приковал к себе дверной проем. За дубовыми створками послышался скрежет засова, затем наступила давящая тишина. Вскоре заскрипели петли. Из темноты башни вышел первый солдат — безоружный, без доспехов, в одном поддоспешнике. Осмотревшись и убедившись, что их не расстреляют в упор, он подал знак остальным.

Всего их было восемь. Предводитель сделал шаг к Витольду, но герцог взорвался криком: — Стой, где стоишь! Кто позволил приближаться?! Всех на колени!

Пленники начали опускаться, но понтийские стражники решили ускорить процесс: удары под колено, тычки в спину и затылок рукоятями топоров посыпались на воландрийцев. Родомир подошел ближе. Один из пленных вскинул на него взгляд — в глазах человека плескался первобытный ужас. Родомир невольно похлопал его по плечу, пытаясь хоть как-то подбодрить.

Витольд неспешно подошел к коленопреклоненным людям.

— Итак. Я герцог Кангенский Витольд II, командующий третьей армией Понтии. Обращаться ко мне «Ваша светлость» или «господин герцог». Ваши имена мне не важны. Интересуют только чины и титулы. Докладывать живо!

— Мы все — простые солдаты, Ваша светлость, — ответил тот, что вышел первым.

— Владеет ли кто-то из вас ценными сведениями?

— Сомневаюсь, Ваша светлость.

— Тогда какой смысл оставлять вас в живых? — Витольд помолчал, а затем бросил охране: — Увести их. Запереть в темнице до распоряжений.

Он дождался, пока пленных скроют в подземелье той же башни. Затем повернулся к капитану своей гвардии:

— Пытать всех, пока не выболтают хоть что-то стоящее. Но не забивать до смерти. Через три-четыре дня прибудет король — мы устроим на площади праздник с казнью. Ласточку государю уже отправили?

— Так точно, милорд, — вытянулся рыцарь. — Что по числу погибшей черни среди горожан?

— Сведения приблизительные. Чуть больше десятка — те, кто попал под раздачу на площади во время штурма.

— Маловато, — герцог на мгновение задумался. — Цифру убитой черни увеличить до разумных пределов... Скажем, до двадцати девяти. Сделайте это тихо, без свидетелей. Трупы снести сюда, к башне. Повесим всё на этих воландрийцев — мол, держали заложников и вырезали их перед сдачей. Так на казни и объявим. Пусть народ их ненавидит. Глашатаям велеть разнести весть о зверствах врага соседям и союзникам. Выполняй. — Слушаюсь, Ваша светлость.

Родомир, стоявший в отдалении, не мог разобрать каждого слова, но общую суть приказа уловил. Коварство герцога было беспредельным.

Витольд подозвал Бояна. Тот вскочил и, преодолевая боль, подбежал к господину.

— Встань, солдат. Боян, кажется?

— Всё верно, Ваша светлость.

— Вижу, ты ранен. Как только вернешься в строй, официально примешь под команду сотню бойцов. А сейчас распусти людей — пусть отдохнут, напьются. Но прежде передай: завтра в полдень — построение на центральной площади. Мне есть что сказать. После соберем ставку. Выполняй.

— Слушаюсь, милорд!

Боян поманил Родомира: — Братец, собирай всех. Живо. Нужно довести приказ герцога.

Сам Витольд тем временем распорядился: — Ночевать буду во дворце. Пошлите слуг, пусть готовят покои. И найдите людей — до утра убрать трупы с улиц.

Герцог взял коня под уздцы и зашагал к дворцу. Родомир собрал тех, кто еще мог стоять.

— Давай, командир, вещай, — произнес он, встав в строй. — Все, кто не мертв и не в лазарете, перед тобой.

Боян стоял спиной к догорающему закату. В сумерках глубокие тени на его бледном лице превращали глазницы в черные провалы. Он походил на оживший череп. Помолчав, собираясь с силами, он заговорил:

— Друзья! Братья! Вы все меня знаете. С кем-то из вас мы глотали пыль и кровь не в одной битве. И сегодня — великий день! День, когда мы с вами и те наши братья, что наве-

гда остались лежать здесь, освободили Любеч! Командующий оказал мне великую честь — я назначен командиром нашей сотни. Обещаю: я буду тем кораблем, который сквозь реки вражьей крови доставит вас к морю под названием «Величие»!

Солдаты взорвались криками и аплодисментами. Речь воодушевила их. Всех, кроме Родомира. Его, не ослепленного пропагандой, не прельщала идея купаться в крови вчерашних братьев.

Боян дождался тишины: — Мой первый приказ! Сегодня — отдых. Пейте, ешьте, шлюх дерите! Но чтобы завтра в полдень все как один были на площади. Кто проспит — отведаст плетей. Разойдись!

Солдаты рассыпались по городу. Боян подозвал Родомира, велел другому бойцу подать коня. Когда друг подошел, Боян спросил с плохо скрываемым волнением: — Ну? Что скажешь? Как речь? — Мурашки по коже не побежали, — равнодушно отозвался Родомир. — И это всё? Как-то сухо, не находишь? — в голосе Бояна прорезалось раздражение. — Слушай, отряд тебя принял — чего тебе еще? Какое тебе дело до моего мнения? — Может, оно мне важно, потому что мы друзья?

Родомир промолчал. Он сомневался, что они всё еще те мальчишки, что воровали яблоки у соседей, а потом получали розги от его дяди Колояра. Пропасть между ними росла с каждым днем войны.

Тишину прервал солдат с лошадыо: — Командир, твой конь. — Помоги взобраться! — рявкнул Боян.

Боец подставил плечо. Оказавшись в седле, новый сотник бросил на Родомира сложный взгляд — смесь разочарования и злости. Затем он прищепил коня и умчался прочь.

Родомир остался на пустеющей площади. Он смотрел на последний луч солнца, утопающий в тучах. Всё, что случилось сегодня, вступало в спор с его внутренним миром. Дядя Колояр всегда твердил, что воин должен быть благородным, обязан уважать врага и хранить честь. На деле же война оказалась лишена чести — здесь царили подлость, корысть и бессмысленная злоба. Но сейчас он был в родном городе, и нужно было думать о доме.

Резкий порыв ветра хлестнул по лицу. Небо затянули тяжелые тучи, где-то вдалеке проворчал гром. Родомир зашагал прочь от замка, надеясь добраться до укрытия раньше, чем небеса разверзнутся ливнем.

Глава 2

Снаружи бушевал ливень. Раскаты грома сотрясали небо, а частые вспышки молний выхватывали из темноты окрестности, на мгновение превращая ночь в призрачный день. Тем, кто волею судеб оказался сейчас под открытым небом, вряд ли можно было позавидовать. Но в трактире «Резвая кобыла», притулившимся неподалеку от крепостных стен, было тепло и сухо. Здесь царило шумное веселье: победу над воландрийцами отмечали рютингские наемники и горстка понтийских солдат, еще сохранивших силы для гулянки.

Дверь распахнулась, впуская в зал струю сырого воздуха. Вошел мужчина, закутанный в тяжелый плащ. Капюшон скрывал его лицо, а с полы одежды вода не просто капала — стекала ручьями, мгновенно образуя лужу у порога. Не оглядываясь на пьяную толпу, путник прямым, уверенным шагом направился к стойке. Он тяжело облокотился на дубовую столешницу и в упор посмотрел на женщину, руководившую здесь.

Хозяйка трактира была статна. Лицо, обрамленное смоляными волосами, спадавшими на плечи, казалось строгим, но приятным. Мелкие морщинки в уголках глаз выдавали возраст, который она тщетно пыталась скрыть под слоем косметики. Ее синие, точно предгрозовое небо, глаза светились тревогой и какой-то странной отрешенностью; она то и дело бросала короткие взгляды на дверь, будто ждала кого-то важного. Одета она была нарядно, по-хозяйски: шелковый кубелёк, перехваченный поясом из цветного бархата, подчеркивал ее достоинство. Лишь жемчужные бусы на шее да золотое кольцо с сапфиром — в тон глазам — служили ей украшением.

Путник заговорил:

— Здравствуйте, добрая женщина. Мне бы комнату.

— Здравствуй, мил человек, — сухо, не оборачиваясь, отозвалась хозяйка. — Мест нет. Все комнаты заняты до последнего угла.

Она мазнула по нему коротким взглядом, но, не разглядев под капюшоном лица, снова отвернулась к стеллажу, делая вид, что старательно стирает пыль с полок.

— Я заплачу вдвое, сколько скажете, — настаивал мужчина.

— Да при чем тут деньги? — она недовольно ухмыльнулась, и в ее голосе прорезалась странная горечь. — Я же не вышвырну на улицу этих «отважных и доблестных» воинов только потому, что у тебя кошелёк туже. Мы так дела не ведем. Ищи приюта в другом месте.

— Но ведь я тоже из числа тех самых... отважных и доблестных.

— Тем более. Тебе наверняка будут рады в любой другой корчме. А у нас — всё, забито.

— Мам... — голос мужчины дрогнул. — Может, для меня место всё-таки найдется?

Хозяйка замерла. В мгновение ока она обогнула стойку, подлетела к незнакомцу и сорвала с его головы мокрый капюшон. Она впилась глазами в его лицо. Губы ее задрожали, а по щекам, смывая белила, покатались слезы. — Родомир! Сыночек! Больше она не смогла вымолвить ни слова. Всклипнув, она крепко прижала его к себе, уткнувшись лицом в мокрую грудь. Родомир обнял ее в ответ, чувствуя, как внутри всё переворачивается. Глаза его против воли стали влажными. Они стояли так долго, не замечая ни шума пьяных наемников, ни запаха дешевого эля.

Наконец, Агидель — мать Родомира — немного пришла в себя. Она чуть отстранилась, но рук не убрала, словно боясь, что сын исчезнет, окажется лишь наваждением. Повернув голову в сторону лестницы, она закричала:

— Колояр! — ответа не последовало. — Колояр, леший тебя дери! — Сейчас спущусь! — прогремел сверху густой бас, от которого, казалось, завибрировали стаканы на полках.

Послышались тяжелые, мерные шаги. Через мгновение на лестнице выросла фигура дяди Родомира. Колояр был огромен — настоящий богатырь, на голову, а то и на две выше пле-

мянника. Войлочная шапка скрывала густые золотистые волосы, которые на висках переходили в окладистую, пышную бороду. Его острый нос украшало небольшое кольцо в левой ноздре. Лицо пересекал старый уродливый шрам, проходивший через левую глазницу, в которой поблескивал черный стеклянный шар. Единственный правый глаз, карий и пронизательный, внимательно следил за миром. Одет старый воин был просто: крестьянская рубаша, порты да сапоги. Лишь золотой перстень в виде драконьей лапы, сжимающей изумруд, намекал на его бывшее положение.

Замерев на ступеньках, Колояр прищурился. Признав племянника, он сорвал с головы шапку и, грохоча сапогами, ринулся вниз.

— Какие, твою мать, люди! Живой! — он оглушительно расхохотался. Подойдя, он положил тяжелую ладонь на плечо Агидели, безмолвно спрашивая дозволения, и та, утерев слезы, отошла в сторону. Колояр сцапал руку Родомира в свою ручищу и так крепко сжал ее, что хрустнули суставы, а затем притянул парня к себе, по-медвежьи обняв.

— Живой, сучонок... — прошептал он на ухо племяннику. — Полтора года ни весточки. Всех нас извел, паршивец.

Отстранившись, дядя окинул его придирчивым взглядом.

— А ты раздался в плечах! Выглядишь как мужчина, как воин, мать твою! А я-то уж боялся, что ты так и не избавишься от своей девичьей фигуры! — и Колояр снова залился смехом. Родомир не выдержал и тоже рассмеялся. Когда приступ веселья прошел, он посмотрел на самых близких ему людей и произнес ломающимся голосом: — Я скучал... Слезы предательски обожгли щеки, но он быстро смахнул их рукавом и снова обнял обоих.

Спустя время, когда первые эмоции схлынули, Колояр и Родомир вышли на задний двор. Дождь почти прекратился, оставив после себя лишь свежесть и прохладное дыхание ветра. Грозовые тучи разошлись, и полная луна заливала двор бледным, призрачным светом. Здесь было тихо — идеальное место, чтобы поговорить без лишних ушей.

— Почему не писал? — Колояр посмотрел на племянника исподлобья. — Мать, сестра, жена — все на иголках. Думали, кости твои уже в поле гниют. Да что там... я и сам, признаться, не на шутку издергался.

— Мне нечего было писать, дядя. Поначалу нас муштровали под Карвеем. Внушали ненависть к Воландрии, гоняли с тяжестями, учили этой их боевой хореографии, как в эльфийских легионах. А потом начался поход. Кровавый год... — Родомир поник. — Знаешь, я не хочу больше воевать. Всё должно было быть иначе.

— Не кисни. Сейчас ты солдат, и ты выполняешь приказ, нравится тебе это или нет. Хотя твоя служба этим ублюдкам мне поперек горла! — Колояр помрачнел, в его голосе закипала старая злость. — Я родился в Воландрии! Эти земли веками были воландрийскими! И родители тех щенков, что сейчас плюют в сторону границы, тоже были воландрийцами. Мы — один народ. Но понтийская знать продалась эльфам за красивые посулы, отреклась от корней и начала травить своих же. Но помани мое слово: воландрийцы скоро вернутся. Они не оставят нас. Тебе нужно переходить к ним, Родомир.

— Дядя, тише ты! Нас могут услышать, — Родомир опасливо оглянулся. — Я не могу. Бегство к врагу — это предательство. Я присягал королю.

— Да пускай слышат! — Колояр мотнул головой. — Присягал? Кому?! Этот король сам клятвопреступник. Нет греха в том, чтобы забрать слово у того, кто сам его не держит!

— Ты говоришь так, будто он тебе лично в душу плюнул. Откуда в тебе столько желчи?

— Эх, племянник... многого ты еще не знаешь.

Колояр замолчал, словно наткнувшись на невидимую стену. Постояв немного в тишине, он вздохнул и сменил тон: — Да и знаешь, сынок, не всё так худо... Полгода спустя, как тебя забрали, Деяна-то родила! — он широко улыбнулся. — Мальчишка — во! Здоровенный, крепкий. Мы уж грешным делом подумали, не от тебя такой богатырь, уж не нагуляла ли... Хотели

из дома гнать! — он снова громогласно захохотал. Родомир поначалу напрягся, не оценив грубоватой шутки, но, глядя на заразительный смех дяди, не выдержал и улыбнулся.

— Скучал я по твоим дурацким островам, — он хлопнул Колояра по плечу.

— По жене ты скучал больше, я уверен. Иди уже в дом, приласкай бабу. Да с сыном познакомься. А разговоры... разговоры подождут до завтра. У нас с матерью сегодня работы невпроворот. Иди, отдыхай.

— До завтра, дядя, — Родомир обнял Колояра на прощание.

Он неторопливо зашагал по двору к большому двухэтажному сруб, стоявшему на краю участка. За домом начиналась лесная опушка, оттуда тянуло запахом хвои и мокрой травы. Посреди двора рос старый могучий дуб. Родомир остановился возле него. На грубой коре, на уровне его глаз, было вырезано сердце, а внутри — две буквы: «Р» и «Д». Его имя и имя Деяны. Он медленно провел пальцами по затянувшимся следам ножа, и нежная, теплая улыбка коснулась его губ.

Подходя к дому, он вспоминал, как рос здесь: как помогал матери, как впервые сел в седло, как здесь же, под суровым взглядом Колояра, часами отрабатывал удары мечом. Дядя всегда требовал от него невозможного. И пусть Родомир не считал себя великим мастером, именно эта муштра помогла ему выжить в минувшем году.

У двери он замер. Сердце забилося чаще — он волновался, как мальчишка перед первым свиданием. Что сказать? Как она посмотрит на него? Отбросив сомнения, он толкнул дверь. На первом этаже располагалась просторная кухня. В центре — тот самый стол, за которым праздновали их помолвку. В углу — огромная печь с лежанкой, их с сестрой любимое убежище в детстве. На полках — знакомая утварь, часть которой когда-то служила Колояру орудием воспитания для него и Бояна.

Ностальгия накрыла его с головой. Как же прекрасна была та простая, мирная жизнь.

Стараясь не скрипеть половицами, он поднялся на второй этаж. У двери в их спальню Родомир замер, прислушиваясь. Из-за преграды доносился тихий женский голос — значит, не спят. Он глубоко вздохнул и вошел. На кровати, забавно перебирая ножками, ползал годовалый малыш. Увидев чужака, он замер и уставился на него любопытными глазами. Деяна обернулась на звук двери, увидела мужа — и лицо ее мгновенно залилось слезами. Она вскочила и бросилась к нему, неистово колотя кулачками по его груди. Родомир не сопротивлялся — он понимал ее гнев за месяцы безмолвия. Он просто крепко обнял ее, прижимая к себе, пока она не обмякла в его руках, продолжая беззвучно плакать.

Наконец, он поцеловал ее. Она мягко отстранилась.

— От тебя несет потом и кровью, Родомир...

— Знаю. Мне нужно отмыться и сменить тряпье.

— погоди, не так быстро, — она взяла его за руки и подвела к постели.

Малыш на кровати предпринял попытку встать на ноги, сделал пару шатких шагов и смешно плюхнулся на четвереньки, не сводя глаз с незнакомого мужчины.

— Он только недавно начал ходить, — нежно заметила Деяна. Родомир отстегнул перевязь с полуторным мечом и присел на край. Жена взяла ребенка и повернула его к отцу. Мальчик посмотрел в глаза Родомиру и вдруг расплылся в беззубой улыбке, издав радостный звук.

— Познакомься, это твой сын Ярослав, — прошептала Деяна. — Ярослав, это папа. Скажи: «па-па». — Па-па, па-па! — звонко повторил кроха.

Когда Деяна попыталась передать сына Родомиру, тот на миг опешил, боясь даже коснуться этого хрупкого создания.

— Да не бойся ты, он уже крепкий. Главное — не урони, — подначила его жена.

— Очень смешно, — пробормотал Родомир, осторожно принимая Ярослава.

Он усадил его на колено, придерживая за спинку. Мальчик смотрел на него серо-голубыми глазами и тянул ручонки к лицу отца. У Родомира перехватило дыхание. Он пропустил

его первые шаги. Пропустил первое слово. И сколько еще он пропустит в этой бесконечной бойне? Но одно он знал точно: теперь у него есть тот, кого он защитит любой ценой.

— Знаешь, а парень хорош, — Родомир неловко рассмеялся. — Впрочем, с таким-то отцом...

— Не льсти себе, он куда лучше, — подмигнула Деяна.

— И не поспоришь. Он наклонился и поцеловал сына в лоб, а затем свободной рукой притянул к себе жену. Они сидели в тишине, наслаждаясь близостью. Он не хотел говорить о войне, а она не хотела знать ее подробностей. Сегодня война осталась за порогом.

— Сходи в баню, — прервала тишину Деяна, нежно целуя его в щеку. — Приведи себя в порядок. А я уложу Ярослава. Сегодня тебя ждет очень долгая ночь.

Родомир улыбнулся и вышел. По пути он заглянул в комнату сестры, надеясь в шутку напугать ее, но там было темно и пусто. Решив, что она спит где-то еще или помогает матери, он проследовал в баню.

Затрещали свечи. Родомир скинул заляпанный кровью кожаный доспех. Осмотрел дублет и стеганные брюки — пара дыр от мечей, ничего критичного, еще послужит. Он всегда предпочитал легкую защиту: лучше уйти от удара или парировать его, чем полагаться на стальные пластины, сковывающие движения.

Без брони он почувствовал себя непривычно легким. За год похода он мог по пальцам пересчитать случаи, когда ему удавалось нормально помыться. Родомир подошел к чану и заглянул в воду. На него смотрело отражение: светло-русые волосы отросли до скул, над левой бровью белел свежий шрам. Брови подернулись преждевременной сединой, а в голубых глазах застыла тяжелая печаль. Губы, прежде привыкшие к улыбке, теперь застыли в равнодушной линии. Он попробовал улыбнуться своему отражению, но вышла натянутая, нелепая гримаса.

«Улыбнулся ли я ей по-настоящему там, в спальне?» — мелькнула тревожная мысль.

Но он был дома. Нужно было отбросить призраков войны. Жить здесь и сейчас, ведь завтра судьба снова может швырнуть его в пекло.

Ополоснувшись, он вернулся в комнату. Деяна ждала его. Она лежала на простынях совершенно нагая, и Родомир на миг замер, ослепленный ее красотой. Рыжие волосы огненной волной рассыпались по подушке, зеленые глаза сияли в полумраке. Ее кожа казалась бархатной в свете единственной свечи.

— Мы сына не разбудим? — хрипло спросил он. — Я перенесла его в комнату сестры. Нам никто не помешает, — выдохнула она.

Родомир лег рядом, накрывая ее губы своими. Вся усталость, весь запах гари и страха исчезли, растворившись в ее объятиях. Осталась только страсть — единственное, что доказывало: он еще жив.

Глава 3

Пробуждение было резким — его вырвал из сна детский плач. Золотистые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь щели в ставнях, плясали на бревенчатых стенах, намекая, что рассвет наступил уже давно. Деяна, сонно потянувшись, села на кровати, собираясь идти к сыну.

— Постой, — придержал её за руку Родомир, не желая покидать тепло постели. — Лада принесёт. Сестрица! Лада! Принеси-ка нам Ярослава!

Деяна остановилась, накидывая на плечи рубаху, и посмотрела на мужа с тихой печалью.

— Колояр и матушка, видно, вчера побоялись тебе радость портить, не сказали... — Она вздохнула. — Твоя сестра будто умом тронулась после твоего ухода. Полгода уже как в монастыре живет, порог дома не переступает. Всё молится за тебя, да за ранеными ухаживает, которых в Любеч со всех границ свозят.

Родомир замер. В памяти всплыла вчерашняя тишина в её комнате, которую он принял за глубокий сон.

— В монастыре, значит... — он нахмурился, в груди кольнуло недоброе предчувствие. — Что ж, тогда медлить нельзя. Пойду к ней сейчас же. Увидимся до общего построения, позову домой. Вечером должны быть все вместе.

— Сходи, родной, — Деяна слабо улыбнулась, выходя из комнаты. — Может, хоть тебя она послушает. Поговаривают, она на войну собралась, к самой черте, где мечи звенят.

— Что?! — Родомир вскочил, в мгновение ока стряхнув остатки сна. — Совсем девка с ума спрыгнула? Куда ей под стрелы?

— Говорит, жизни спасать хочет. Мол, там она нужнее.

— Жизни спасать — дело благое, — пробормотал он, затягивая пояс, — но не девичье это дело — по трупам лазать. Упёртая она, всегда такой была... Посмотрим, удастся ли мне её переубедить.

Перед уходом он заглянул в детскую. Деяна мерно качала колыбель, прижав палец к губам. Родомир кивнул и, стараясь не скрипеть сапогами, спустился вниз.

В трактире царил утренний полумрак и запах вчерашнего перегара. Было тихо. Лишь в углу трое наемников, чьи лица сливались в одно серое пятно усталости, вяло цедили эль, изредка стучаясь кружками и невнятно бормоча что-то под нос. Они явно не ложились с самого вечера.

Из подсобки вышла Агидель. Увидев сына, она преобразилась, на лице расцвела теплая улыбка.

— Что ж ты в такую рань, сынок? — она обняла его, поправляя воротник. — До полудня еще далеко, отдыхал бы.

— В монастырь пойду, мам. К Ладе. Почему вчера промолчали?

— Времени не было, — она отвела взгляд, протирая и без того чистую столешницу. — Вчера праздник был, радость... Не хотелось о грустном.

— Понимаю, — Родомир коснулся её руки. — Но сегодня вечером мы соберемся все вместе. Ладу я приведу. Найди кого на подмену в зале, посидим по-семейному.

— Хорошо, возьму соседскую девчонку. А Колояр... он и так сейчас работник никакой, — она горько усмехнулась.

— Кстати, где дядя?

— Напился вчера вдрызг. Ты ведь такой повод дал! — Она чуть рассмеялась, но в смехе слышалась горечь. — Ушел в свою избу с какой-то понтийской потаскухой. Спит еще, поди.

Родомир нахмурился.

— Часто он так? Раньше за ним такого не водилось. Был как камень.

— Ты ушел, вестей не было... — Агидель вздохнула, присаживаясь на лавку. — Как война грохнула, так он и сломался. Виду не подавал, хорохорился, но я-то видела, как он по ночам за тебя изводился. Сейчас он больше на постояльца похож, чем на охрану: ест, пьет да местных лахудр по углам зажимает.

— Значит, это я его довел, — глухо произнес Родомир.

— Не вини себя. У каждого своя тропа. Но ты за дядю не бойся, в конченого пропойцу он не превратился. Коли беда придет — любого на куски порвет, нас защищал как лев. За то и любим.

— Ну, и за шуточки его дурацкие тоже, — Родомир попытался разрядить обстановку, и мать негромко рассмеялась в ответ.

Их разговор оборвал скрип двери. В трактир, припадая на левую ногу, ввалился мужчина. В руках он сжимал нелепый букет полевых цветов, поникших и пыльных. Родомир не сразу, но узнал в этом потрепанном солдате своего старого друга Бояна. Тот остановился, покачиваясь, и масляно улыбнулся Агидели.

— Тётушка Агидель! А можно я вас сразу мамой называть буду?

— С какого это перепугу? — резко спросила она, инстинктивно делая шаг за спину сына.

— Так я за рукой Ладочки пришел, дочери вашей, — Боян перевел взгляд на Родомира, и в его глазах блеснула нехорошая искра. — А ты чего зенки вылупил? Я теперь тебе и командир, и зять, и брат буду. Не рад, что ли?

— Мы это уже обсуждали, Боян, — голос Родомира стал холодным, как сталь. — Не люб ты ей. На том и порешили еще два года назад. Больше ты к ней не лезешь.

— То было раньше! — Боян сплюнул на пол. — Тогда она девчонкой была, а я — простым деревенщиной. А теперь я человек при чине, военный! И если этого мало... Ночью я кое-что узнал. Кое-что такое, что ни тебе, ни семье твоей не понравится. Я пока человечку тому язык приказал прикусить, но могу и передумать...

Договорить он не успел. Внутри Родомира будто лопнула тугая струна. Он не помнил, как сократил дистанцию. Удар в челюсть опрокинул Бояна на спину. Родомир прыгнул сверху, вцепился в грудки и начал методично, с какой-то звериной яростью вколачивать кулаки в это самодовольное лицо. — Ты... сука... семье моей угрожать вздумал?! — каждое слово сопровождалось глухим ударом. — Ты с этого места живым не уйдешь, мразь!

Он видел кровь, видел, как обмякло тело под ним, но ненависть застилала глаза багровой пеленой. В этот миг он по-настоящему хотел убить. Убить того, с кем когда-то делил хлеб.

— Хватит! Родомир, остановись! — крик матери прорезал его ярость.

Родомир замер с занесенным кулаком. Тяжело дыша, он посмотрел на Агидель. Она стояла бледная, прижав руки к груди. В её глазах был страх, и Родомир понял: она боится не драки. Она боится его. Он медленно разжал пальцы и сел на пол рядом с бесчувственным телом. С костяшек его правой руки капала чужая кровь. В бою он всегда был хладнокровен, там убийство было работой, необходимостью. Но здесь... здесь он упивался желанием уничтожить.

— Мам, прости... — он вытер руки о штаны. — Сам не знаю, что нашло. Со мной такого никогда не бывало.

— Я понимаю, — прошептала она, не сводя глаз с разбитого лица Бояна. — Он наговорил лишнего. Но ему нужен знахарь, Родомир. Ты его чуть не зашиб.

— Да... заберу его с собой. В монастыре подлатают, — Родомир поднялся, чувствуя свинцовую тяжесть в ногах. — Мне нужна телега.

— Сам доеду... — прохрипел Боян, приходя в себя. — Помоги встать.

Родомир подал ему руку, но Бояна качало так сильно, что пришлось усадить его на скамью. Нос свернут набок, губы превратились в кровавое месиво. Глядя на него, Родомир чувствовал странную смесь вины и брезгливости. Многолетняя дружба сгорела в огне одной короткой угрозы.

— Помоги сесть в седло, — выдавил Боян. — К полудню я должен быть в строю. Насколько это... возможно.

— Доедешь? — коротко спросил Родомир. — Чуть раньше тебя это не заботило. Справлюсь.

Они вышли во двор. Родомир помог бывшему другу взобраться на коня. Их взгляды встретились, и Родомир понял: это не конец. В глазах Бояна тлела холодная, расчетливая злоба. Конь тронулся, унося всадника со двора.

По дороге к монастырю мысли Родомира возвращались к словам Бояна. Что он мог узнать? Какая тайна их простой семьи могла стать оружием в руках этого подлеца? В голову ничего не шло. Трактирщики, бывшие воины... у кого нет скелетов в шкафу? Но Боян выглядел слишком уверенным.

Монастырь Любеча предстал перед ним во всем величии. Это была настоящая крепость с высокими стенами и башнями. Над главными воротами красовался символ бога Рода — сплетенные линии, означавшие начало всего сущего. В центре высился каменный собор с золотыми куполами, а вокруг него жались деревянные церквушки, похожие на скромные амбары с острыми шпилями.

— Сын мой, — окликнула его пожилая монахиня, выходя из собора. — Ищешь кого? Раненых нынче много привезли, со всех сторон люди идут.

— Доброго утра, матушка. Ищу сестру свою, Ладу, дочь Яромира.

— Ах, Ладочка! — лицо старушки посветлело. — Добрая душа. Ищи её в больничном корпусе, за собором слева. Она сейчас там, рук не покладает.

Родомир пошел в указанном направлении. Чем ближе он подходил к длинному бревенчатому барaku, тем отчетливее слышал стоны. Воздух здесь был пропитан запахом гнили, уксуса и дешевого вина, которым промывали раны. Внутри царил полумрак, рассекаемый лишь тонкими столбами света из узких окон. На лежаках вдоль стен вповалку лежали люди — то, что осталось от вчерашних героев.

Родомир подошел к ближайшей послушнице, которая склонилась над кем-то в углу.

— Сестра, я ищу Ладу! Подскажи, где она? — крикнул он, перекрывая хрипы умирающих. — Не сейчас! Этому бедняге нужнее! — не оборачиваясь, бросила она. Родомир взглянул на её пациента. Лицо солдата было разрублено пополам, один глаз жутко свисал на нерве, челюсть дрожала в предсмертной судороге.

— Ему уже не помочь, — глухо сказал Родомир. — Он одной ногой в могиле. Чудо, что еще дышит.

Девушка, влив в горло раненого какую-то настойку через трубку, обернулась.

— Я знаю. Но это притупит боль. Пусть уйдет спокойно, — в её глазах стояли слезы. — Лада в дальнем крыле, за поворотом. Ступайте.

Он шел сквозь этот ад, стараясь не смотреть под ноги. Здесь люди молили о смерти как о высшем благе. Наконец, он увидел тонкую девичью фигуру. — Лада! — позвал он. Девушка обернулась. В полумраке она сначала не узнала его, сделала несколько шагов навстречу, прищурилась... И вдруг вскрикнула, бросаясь ему на шею.

— Род! Братец! Живой! — она зарыдала, уткнувшись ему в плечо. — Я знала... я каждый день за тебя просила!

— Тише, сестренка, тише, — он гладил её по золотистым волосам, чувствуя, как у самого защипало в глазах. — Прости, что заставил ждать.

Она отстранилась, сияя сквозь слезы. Она почти не изменилась — те же нежные черты, тот же вздернутый носик. Только в глазах застыла тень той боли, которую она видела здесь каждый день.

— Род, у меня сейчас совсем нет времени. Вчерашняя битва... тут столько работы. Подожди меня на заднем дворе у часовни, я выбегу к тебе через часок.

Родомир ждал, сидя на жухлой траве. Он смотрел, как из барака выносят накрытые рогожей тела, и думал: «Ради чего всё это? Какие короли стоят этих жизней?».

Лада пришла быстро. Они снова обнялись. — Лада, как ты здесь? Деяна говорит, ты на войну собралась? — Да, — она твердо посмотрела ему в глаза. — Когда ты уехал, мне было страшно. Я пошла сюда, чтобы быть полезной. Но одних молитв мало, Род. Я хочу спасти тех, до кого врачи не доезжают.

— Там смерть, Лада. Там нет места таким, как ты, — он сжал её плечи. — Помогай здесь. Помогай матери, Деяне, нянчи Ярослава. Это твой долг.

Она долго молчала, глядя на золотые купола собора.

— Но ты ведь больше не уедешь? — тихо спросила она. — Не знаю, сестренка. В полдень всё решится на построении.

Он знал, что она привязана к нему сильнее всех. Мать всегда была строга с ней, и только Родомир дарил ей ту безусловную любовь, в которой она нуждалась.

— Приходи сегодня вечером домой. Вся семья будет в сборе. Ты придешь?

— Приду, — она слабо улыбнулась. — Обязательно приду. Настоятельница отпустит, я на хорошем счету.

— Тогда до вечера.

— До вечера, Род!

Она быстро обняла его и побежала обратно в барак, туда, где её ждала чужая боль, которую она взяла на свои хрупкие плечи.

Глава 4

Покинув территорию монастыря, Родомир отправился на центральную площадь города, где вскоре должно было начаться построение. Путь его пролегал мимо городских стен, и то, что предстало его взору, заставило сердце сжаться от тяжелого предчувствия.

Вдоль дороги, ведущей к воротам, из земли торчали высокие колья — в два человеческих роста. На их вершинах, скалясь в посмертных гримасах, были нанизаны головы воландрийских солдат. Зрелище было ужасным, но еще страшнее была реакция людей: Родомир видел, как взрослые, идущие по дороге с детьми, заставляли своих чад бросать в эти головы камни. Так, с малых лет, в неокрепшие души вживляли культ ненависти к Воландрии.

На фоне этого жуткого пейзажа доносился зычный голос глашатая:

— Через три дня на центральной площади, после полудня, будут казнены захватчики, которые сегодня ночью убили три десятка мирных жителей города! Приходите все на площадь! Берите детей! Это должен видеть каждый житель города! Каждый патриот Понтии!

Родомир прекрасно знал, в чем именно обвинят пленных. Как бы бесчестно и бесчеловечно он ни считал решение командования, он понимал, что ничего не может изменить — эти люди были обречены стать жертвой политической расправы. Эти мысли сеяли в нем тяжелые сомнения.

Войдя в город, он не увидел тел убитых — их уже успели убрать. Но разруха говорила сама за себя: прилавки купцов были разбиты и разграблены — вчера, во время штурма, не все воины смогли совладать с жаждой мародерства. Деревянные здания изрядно пострадали, некоторые выгорели до основания, оставив семьи без крыши над головой. На лицах горожан читалось горе и странный, липкий страх перед солдатами, которые вроде бы пришли их спасать.

На площади уже собирались воины. Одни были легко ранены, другие — всё еще пьяны после ночного разгула, а кто-то умудрялся сочетать в себе и то, и другое. Несмотря на похмелье, все были воодушевлены вчерашней победой и жаждали новых подвигов. Когда объявили о прибытии Витольда, толпа начала организовываться в строй.

Родомир отметил про себя, что потери были огромными. Вчера на штурм шли две тысячи мечей. Сейчас же, окинув взглядом ряды, он понял, что армия сократилась почти вдвое. В строю стояли даже те, кто из-за ранений был лишь половиной боевой единицы, но общее опьянение победой не давало им заметить цену, которую пришлось заплатить. Родомир не разделял этого восторга — он никогда не считал «мясные штурмы» признаком доблести.

Витольд появился эффектно. В сопровождении свиты он въехал на площадь со стороны замка. На герцоге был парадный мундир, подчеркивавший его праздничное настроение. Довольная улыбка и гордо вскинутая голова говорили о том, что своим положением он более чем доволен.

Остановившись перед строем, он поднял руку: — Храбрецы! Герои! Я вас приветствую! — Аууф! Ауф! Ауф! — слаженно ответил строй.

Витольд выдержал паузу, обводя солдат взглядом: — Вчера на закате вы, славные сыны Понтии, совершили подвиг! Освободили этот прекрасный город из грязных рук захватчиков, убийц и насильников! Ублюдки были разбиты, но часть из них бежала, словно крысы! Эти подлые трусы не захотели принять смерть, достойную воина, и погибнуть в бою! А вы бились самоотверженно, до конца, защищая свой дом, правду и свободу! Спасибо вам за службу!

Солдаты, гордые и воодушевленные, одобряюще кивали. Герцог, видя эффект своей речи, хитро прищурился: — Но враг не дремлет! Нам нужно развивать успех. Поэтому сегодня вечером часть из вас отправится по следу бежавших свиней, чтобы настигнуть их и уничтожить. Они не должны даже помышлять об ответном ударе! Командиры решат, кто пойдет.

Остальные через три дня, когда прибудет король с армией в полторы тысячи, выдвинутся на север, освобождать Златецк!

Девять командиров подошли к герцогу за инструкциями. Витольд раздавал указания быстро, не слезая с коня. Боян, заметно хромя, вернулся к своему отряду.

— По поручению герцога нам предстоит набрать четыре сотни человек, — произнес он, морщась от боли в ноге. — С вами пойдут действующие сотники, а во главе всей группы будет Дир, хотя это мог быть я... Не думаю, что вылазка будет трудной, но идти должны здоровые и те, кто не будет затруднять передвижение. Кто готов — выйти из строя!

Родомир остался на месте. Из его группы вышло около сорока человек. Когда добровольцы закончились, командиры пересчитали людей и начали что-то бурно обсуждать. Вскоре Боян вернулся вглубь строя. Его глаза встретились с глазами Родомира. Взглядом он приказал ему выйти. Вместе с ним Боян вывел еще семерых солдат, не пострадавших в бою, но не пожелавших идти добровольно.

— Теперь, братья, я передаю вас под командование боярина Диры, сына Ярополка, которого вы знаете по прозвищу «Мясник».

— Сам Мясник?! — раздалась удивленные возгласы.

— Вот это да!

— Тихо! — оборвал их Боян. — Дир сам назначит вам сотника. Удачи. А вы, остальные — свободны до распоряжений. Но из города ни ногой!

Вскоре на площади остались только четыре сотни воинов. — Всем построиться! — командовал Дир.

Родомир смотрел на него с неприязнью. Легендарный «Мясник» не выглядел героем: высокий, костлявый, в тяжелом кольчато-пластинчатом доспехе, который заставлял его сутулиться. Лысая голова с редкими прядями, худое бледное лицо, обтянутое кожей, и уродливый шрам через всю щеку придавали ему сходство с ожившим мертвецом. Впалые глаза смотрели холодно.

Дир прохрипел: — Братцы! Задача — настигнуть и уничтожить беглецов. Не дать им соединиться с подкреплением. Время на сборы до ужина. На закате выступаем от городских ворот. Разойтись!

Родомир возвращался домой в скверном настроении. Абсурдность этой войны и необходимость снова бросать семью вызывали у него глухую ярость. Войдя в дом, он застал уютную картину: мать и жена весело суетились на кухне, Ярослав мирно спал в колыбели. Этот покой на миг вырвал его из реальности войны.

— Можете не торопиться, — глухо сказал Родомир. Женщины замерли. — К заходу солнца мы выдвигаемся на задание по приказу герцога.

— Да как это так?! — Агидель в сердцах бросила на пол глиняную чашку.

Звон разбитой посуды напугал младенца. Ярослав заплакал. Деяна бросилась к нему, успокаивая, но ее глаза, полные слез, были прикованы к мужу. Мать бессильно присела на скамью.

— Да ладно вам! — Родомир попытался подбодрить их. — Задание пустяковое, я туда и обратно. Еда остыть не успеет! Соберите мне что-нибудь в дорогу.

Когда он паковал вещи, в комнату вошла Деяна с кулем припасов и бурдюком.

— Муж, я собрала тебе всё необходимое.

Родомир вздрогнул от ее голоса, обернулся и крепко прижал жену к себе. Они стояли в тишине.

— Как скоро ты вернешься? — прошептала она.

— Через неделю, если всё пойдет по плану.

— А если не по плану?

— Тогда через две, — он натянуто улыбнулся.

— Ты врешь!

Родомир вздохнул:

— Я не знаю... Но я вернусь, обещаю.

— Сын! Тут твой командир просит спуститься! — позвала Агидель снизу.

Выйдя во двор, Родомир увидел Бояна. Тот сидел на земле и наблюдал, как по его вытянутой раненой ноге ползет жук. Когда Родомир подошел, Боян резко прихлопнул насекомое.

— Знаешь, почему я его убил? — он поднял глаза на друга. — Я его первый раз прогнал, дал понять, что ему не рады. Но он вернулся. Если не понимают — остается только сила. Так и с воландрийцами. Мы пытались мирно, но они не ушли. Теперь их нужно убивать.

— Это ты на земле этого жука, Боян, — ответил Родомир. — Ты возомнил себя хозяином и решил его судьбу. Но жук не даст отпор, а люди...

— Род, я знаю, мы смотрим на всё по-разному.

— Я всегда смотрел иначе, — перебил его Родомир.

— Твоя семья всегда была по ту сторону... Еще детьми, когда мы тут тренировались, твой дядя изливался, как хорошо было в Воландрии. Но ты же видел их грабежи и насилия!

— Я ничего такого не слышал, — отрезал Родомир. — Зато я видел вчерашний штурм и что вытворяли наши солдаты.

Боян едва не сорвался на новую угрозу, но вовремя прикусил язык, вспомнив утреннюю забучку.

— Ладно. Я пришел извиниться. Зла не держи, я вспылел. Я взял тебя в отряд, потому что ты лучший. Твой опыт спасет жизни. Прости, что отрываю от семьи. Я бы пошел сам, но я ранен. И... кое-кем бит, — он усмехнулся.

Родомиру стало неловко. Он протянул руку, и они обменялись крепким рукопожатием.

— И ты прости. Вспылел я. — Я присмотрю за твоими, пока ты там, — пообещал Боян. — Спасибо, но Колояр справится. А ты занимайся своими делами и поправляйся.

Проводив Бояна, Родомир поднялся в комнату. Там его ждала Деяна в одной рубашке, указывая на вычищенные доспехи.

— Доспехи я осмотрю после, а сейчас, барышня, я буду осматривать Вас! — он повалил её на кровать, стремясь насладиться близостью перед долгой разлукой.

Позже, надев доспех, Родомир вышел во двор к точильному камню. Меч с зазубринами требовал внимания. Он увлеченно работал, когда сзади подошел Колояр.

— Дай-ка я погляжу, как наточил.

Родомир вздрогнул:

— Ты смерти моей хочешь! Чуть в штаны не нассал.

— Добротно, — оценил дядя, осматривая лезвие.

— У меня был хороший учитель.

— Приятно, что мои уроки не прошли даром, — гордо выпятил грудь Колояр.

— Я не про тебя. Под Карвеем был хороший учитель! — рассмеялся Родомир.

— Ах ты щенок! Смеешься над стариком? Бери оружие! — воскликнул Колояр. — Только тренировочное, а то попортишь свой клинок. Или боишься?

Колояр принес из сарая тренировочные мечи. Агидель с крыльца с улыбкой наблюдала за ними.

— Зачем ты его раззадориваешь? — спросила она сына.

— Пусть размнется, ему это в радость.

Колояр встал в стойку с тяжелым двуручником на плече. Даже в возрасте он выглядел внушительно и опасно. Родомир взял меч поменьше.

— Начнем! — крикнул дядя.

Они начали ходить по кругу. Колояр сделал несколько обманных выпадов. Внезапно, используя длину оружия, он нанес стремительный колющий удар. Родомир едва успел уйти

вправо с линии атаки и тут же выбросил клинок в сторону груди дяди. Но Колояр плоскостью меча отклонил острие. Увидев, что племянник на миг замер, дядя попытался ударить эфесом в лицо, сокращая дистанцию.

Родомир, среагировав мгновенно, подтянул левую ногу и в пируэте закрутился вокруг правой. Оказавшись почти за спиной дяди, он нанес резкий удар в заднюю часть коленного сустава. Колояр рухнул на колено. Клинок Родомира замер у его горла.

— Я победил!

— Да, сопляк... победил.

В голосе дяди была тень разочарования, но когда Родомир обнял его, он увидел в глазах старика безмерную гордость. Колояр поднялся, снял с руки перстень и протянул племяннику. — Это кольцо твоего отца. Теперь ты — сильнейший мужчина в семье. Оно твое.

Родомир взял кольцо, и оно тут же уменьшилось, плотно сев на его палец.

— Что за чудеса?!

— Ты многого не знаешь, Род. Это древний артефакт. Гномы ковали его для твоего прадеда Ярополка по приказу драконов. Носитель мог призывать их на помощь...

— Драконов? Дядя, ты о чем?

— Солнце заходит, тебе пора. Вернешься — я расскажу всю правду о нашем роде.

Родомир решил носить кольцо на цепочке на шее. Мать подошла к нему и протянула костяной кинжал с рунами на ножнах.

— Возьми этот кинжал, он может спасти тебе жизнь.

Семья стояла в сборе. Родомир крепко обнял мать, дядю, жену и сына. — Обещай, что вернешься, — прошептала Деяна. — Обещаю.

Он надел снаряжение, взвалил мешок на плечо и, смахнув скупую слезу, зашагал прочь, к городским воротам, не оборачиваясь.

Глава 5

Прошло два томительных дня пути. Войско преодолело около семидесяти вёрст, и наконец перед ними замаячила тёмная, неприветливая стена «Рубежного леса». Этот древний массив, раскинувшийся на многие мили, служил естественным и суровым пределом между Понтией и Воландрией. На фоне лесной чащи Родомир заметил быстро растущие точки — группа всадников неслась во весь опор, вздымая дорожную пыль. Это возвращалась разведка.

Родомир скакал в голове колонны, бок о бок с командирами, поэтому мог видеть, в каком состоянии были кони — загнанные, в мыле. Разведчики не щадили животных, а значит, враг был совсем близко.

Как только всадники поравнялись с авангардом, их предводитель, едва переводя дыхание, доложил «Мяснику»:

— Барин, нашли мы их! Прячутся в самой гуще, их там сто семьдесят три души, если по головам считать. Многие ранены, еле дышат. Лагерем встали на большой прогалине, аккуратно возле тракта, что через лес ведёт. Стоят кучно, не ждут нас.

«Мясник» прищурил свои впалые глаза: — Окрестности прочесали? Засады, ловушки, подкрепление воландрийское поблизости есть? — Обошли кругом, барин. Даже до дальней опушки доскакали — чисто всё. Никакой помощи к ним не идёт, в лесу только они и мы.

— Отлично! Значит, всё будет проще простого! — воскликнул Дир, и на его бледном лице проступил хищный азарт. Он рывком развернул коня к уставшим воинам. — Братцы, слушай мою команду! Враг у нас в кулаке! Их меньше, они изранены! К заходу солнца мы выйдем на их позиции и вырежем каждого! Последний рывок, разобьём их в щепки, и с чистой совестью — назад в Любеч. А там — вино рекой и будем портить девок до самого утра!

Несмотря на ломоту в костях и стёртые ноги, войско отозвалось восторженным гулом. Обещание выпивки и плотских утех подействовало на наёмников и ополченцев лучше любого приказа. Колонна, ведомая разведчиками, двинулась к лесу.

Солнечный диск уже наполовину скрылся за горизонтом, когда они достигли кромки леса. В сумерках деревья казались гигантскими костлявыми пальцами, тянущимися к небу. Разведчики подали знак остановиться. — Дальше кони только мешать будут, — вполголоса произнёс молодой разведчик, обращаясь к Диру. — Пешком пойдём, по-тихому. Тут рукой подать. Окружим их, как волков в окладе, и забьём.

Дир лишь коротко кивнул. Солдаты спешили, послышался тихий лязг доспехов и шёпот сотников. Командиры собрались в круг, бурно обсуждая план нападения. Родомир видел их жестикуляцию и напряжённые лица, хотя слов было не разобрать. Наконец, Мстислав вернулся к своей сотне.

— Слушай сюда! План такой: окружаем их лагерь кольцом. Проведут нас вот эти двое юнцов-разведчиков. Тишина — наше главное оружие. Нужно застать их врасплох, чтобы ни одна тварь не успела за меч схватиться.

Они двинулись вглубь чащи. Если на опушке ещё теплились остатки заката, то внутри леса царил первобытная тьма. Идти с факелами было строжайше запрещено — любой огонёк выдал бы их за сотни шагов. Родомир проклинал каждый корень и невидимую корягу, о которые то и дело запинался. Но спустя время глаза привыкли, и из непроглядного мрака начали проступать серые силуэты стволов и кустарников.

Спустя час медленного продвижения впереди забрезжил свет. Сквозь частокол деревьев пробивались отблески костров. Разведчик поднял руку — стоп. До воландрийского часового оставалось не более пятидесяти шагов.

Приказ передавали шёпотом, из уст в уста. Пожилой вояка со сломанным набок носом, стоявший рядом с Родомиром, прошипел:

— Ждём, пока все не займут места. Лагерь их как на ладони на той поляне. Сначала лучники дадут пару залпов, а как только воландрийцы всполошатся и за мечи схватятся — вот тогда наш черёд.

Адреналин ударил в голову Родомира. Сонливость как рукой сняло, сердце заколотилось в рёбра, отдаваясь гулкими ударами в висках. Тишину леса нарушал лишь треск костров в лагере врага да далёкое уханье совы.

Внезапно лесную тишину прорезало резкое карканье вороны. Секунду спустя где-то справа заухала сова, следом защёлкал глухарь. Этот странный, фальшивый птичий ансамбль прервал мощный, утробный рык медведя — сигнал к атаке. И тут же воздух наполнился криками.

— Это не наши! Здесь кто-то есть! — взревел часовой. — К оружию! Оборонительный строй! — донеслось из лагеря.

Эффект неожиданности был утрачен. Воландрийцы оказались опытнее, чем думал Дир.

— С той стороны на холме должны были ударить тридцать лучников, — прошептал разведчик, уже не скрываясь. — Похоже, у них там заминка.

В этот момент взревел рог Дира. Лес взорвался топотом сотен ног. Понтийцы бросились на прогалину.

Родомир шёл вперёд неспешно, не вынимая меча. В нём не было жажды крови; он надеялся, что численное превосходство решит всё без его участия. На каждого воландрийца приходилось по двое, а то и по трое понтийцев. Но воландрийцы стояли насмерть. Они быстро сомкнули щиты, выставив вперёд лес копейных жал.

Началась изнурительная давка. Понтийцы пытались прорвать стену щитов, но лишь натыкались на колющие удары из-за преграды. Кто-то пытался запрыгнуть сверху, используя спины товарищей как трамплин, но их тут же стаскивали вниз и добивали. Понтия несла потери — небольшие, но досадные.

Небо начало сереть. В первых лучах рассвета всё стало до ужаса отчётливым: грязь, кровь на траве и перекошенные лица. Наконец, с холма прилетели стрелы — лучники справились со своей задачей. Стена щитов воландрийцев дрогнула. Понтийцы ворвались внутрь строя, и битва превратилась в хаотичную рукопашную свалку.

Родомир перевёл взгляд на противоположную сторону поля. Там, в окружении троих приближённых, стоял Дир. Он не ввязывался в бой. На его лице блуждала мерзкая улыбка, а глаза светились восторгом при виде каждой новой смерти.

В какой-то момент «Мясник» заметил Родомира. Улыбка мгновенно исчезла, сменившись маской жгучей ненависти и презрения. Он что-то рявкнул своим людям, указывая на Родомира, а затем властно ткнул пальцем в землю перед собой, приказывая доставить «дезертира» к нему.

Трое крупных парней, одетых в тяжёлые кольчуги и каплевидные шлемы, двинулись к Родомиру. Они были на голову выше него, а в их руках покоились массивные двуручные топоры. Стражники остановились в трёх шагах.

— Брось меч и иди к барину! — рявкнул один.

— А если нет? — холодно спросил Родомир.

— Силой возьмём. Сопротивляться глупо, нас трое. Ты не сражаешься, а за это положено наказание.

— И какое же? — Почём я знаю? — удивился детина. — Наше дело — привести.

Родомир начал медленно убирать меч в ножны. Стражники на мгновение расслабились, решив, что он сдаётся. Это была их последняя ошибка. Он молниеносно выхватил клинок и нанёс точный рубящий удар по пальцам говорившего. Окровавленные фаланги посыпались на

траву. Не давая противнику опомниться, Родомир из замаха из-за плеча метнул меч во второго бойца. Сталь с хрустом пробила лицо несчастного, войдя по самую рукоять.

Затем он бросился к первому, который ещё не осознал потерю пальцев, вырвал из его ослабшей хватки топор и нанёс мощный удар ногой в грудь. Тот отлетел назад, навалившись на третьего стражника и мешая ему замахнуться. Родомир перехватил топор обеими руками и с размаху обрушил его на шею безоружного. Остроты не хватило прорубить бармицу, но удар был подобен удару дубиной. Позвонки хрустнули, воин осел, из его рта пошла кровавая пена, и он рухнул лицом вниз.

Третий боец, наконец освободившись от тела товарища, бросился в атаку с размашистым ударом из-за головы. Родомир легко ушёл в сторону. Топор противника бесцельно разрубил воздух, заставив воина пошатнуться и открыться. Родомир бросил тяжёлый топор на землю и в одно движение вонзил кинжал точно в горло врага.

Дир наблюдал за этой сценой от начала до конца. Родомир вытер кинжал и поднял глаза. Взгляд «Мясника» был полон бешеной ярости, смешанной с каким-то извращённым восхищением. Обнажив свой меч, Дир медленно пошёл навстречу.

Родомир подошёл к телу стражника и с трудом выдернул свой меч из его черепа. Теперь они стояли друг против друга. Дир занял высокую стойку, держа меч над головой для сокрушительного удара. Родомир замер в средней стойке, направив остриё в лицо противника. Они начали ходить по кругу, выжидая.

Родомир сделал резкий выпад-провокацию, но Дир даже не шелохнулся. Тогда Родомир решился на молниеносный колющий удар в шею. «Мясник» среагировал мгновенно: крутанул корпус вокруг правой ноги, пропуская лезвие мимо, и нанёс Родомиру страшный удар завершием рукояти точно в темя.

Вспышка боли ослепила Родомира. Перед глазами всё поплыло. Он инстинктивно перекувыркнулся назад, пытаясь разорвать дистанцию. Встав на ноги, он почти ничего не видел — мир превратился в туманное марево. Он начал крутить мечом «восьмёрку», создавая стальной заслон, но Дир был мастером своего дела.

Удар по локтю — Родомир перестал чувствовать левую руку, кинжал выпал из пальцев. Следующий удар пришёлся под колени. Он рухнул. Болевой шок был такой силы, что меч выпал из правой руки. Зрение на миг прояснилось, и Родомир с ужасом увидел: его левая рука была отрублена по самый локоть.

Он стоял на коленях, истекая кровью. Дир надменно улыбнулся, наступил сапогом на его меч и отбросил его в сторону.

— Я думал, будет веселее, — прохрипел Мясник. — Ты разочаровал меня. Но, так и быть, я убью тебя как воина.

Он подобрал кинжал Родомира и занёс меч для последнего удара. Родомир закрыл глаза. Перед ним пронеслись лица Деяны, матери, маленького Ярослава. Он почувствовал странное спокойствие — цена за все жизни, что он отнял, была предъявлена к оплате.

— Бей! — выкрикнул он.

И в этот момент лес снова содрогнулся от рёва боевого рога. Со стороны тракта, сверкая доспехами в лучах утреннего солнца, вылетала конница. Полторы сотни всадников в едином порыве бросились в атаку.

Дир отвлёкся на мгновение. Родомир, собрав последние крохи воли, сделал несколько кувырков к опушке, подальше от копыт. Он уткнулся лицом в сырую землю, подсунув обрубок руки под живот, чтобы хоть как-то унять кровь. Грохот битвы становился всё тише, уступая место наваливающейся темноте.

Родомир чувствовал, как падает в бездонную, тихую пропасть...

Глава 6

— Сколько ещё мы будем ему жопу подтирать? Он уже месяц не встаёт, бредит всё время, а в себя так и не придёт. Добили бы парня сразу, а они нет — мучат почём зря! — голос Тихомира так и сочился недовольством. Он сердито ткнул пальцем в сторону нар, где в беспмятстве лежал человек, больше похожий на бледную тень воина.

— А чего мучают-то? — Евдокия недовольно всплеснула руками. — Выходить ведь пытаемся: травы да настойки даём пить, перевязки делаем. И вообще, барыня сказала смотреть за ним — значит, будем смотреть, и нечего тут возмущаться!

— Вот всегда ты так, Евдокия: «Барыня сказала, значит надо делать». Она тебе в колодец прыгнуть скажет, ты и прыгнешь. А он после этих настоек твоих в говнах весь, в блевотине... а я убирать должен, будто холоп какой!

— Ты, Тихомир, может, забыл, чем ей обязан? — её голос стал ледяным. — Да помню я всё! — Ну так и делай тогда, что велят, а то надоело слушать: холоп, не холоп! — прикрикнула Евдокия, обрывая спор.

— Не кричите... пожалуйста... — раздался тихий, едва слышный шелест с кровати.

Евдокия замерла.

— Очнулся! Тихомир, беги скорее за барыней, говори, что очнулся парень!

Родомир с трудом открыл глаза. Каждое движение век отдавалось болью, а в горле будто застрял ком сухой земли. — Вы кто такие? Где я?.. — его голос сорвался на хрип.

— Я Евдокия, — женщина учтиво, по-простому поклонилась. Но Родомир вряд ли оценил её жест. Обессиленный, он не мог даже повернуть головы и просто сверлил взглядом потолок. — Как к Вам обращаться? — спросила женщина.

Родомир открыл рот, но вместо слов выдал лишь сухой, мучительный кашель. Евдокия тут же подскочила к нему с чашей воды. Она бережно приподняла его голову и поднесла сосуд к губам. Он пил жадно, захлебываясь, и пока пил — осматривался.

Место было мрачным. Грубо обтёсанные брёвна стен у самого пола уже тронула гниль. Маленькое окошко под самой крышей едва пропускало тонкий луч света, который тонул в чаде свечей. Двери, обитые полосами железа по краям, но без засова внутри, и остатки соломы в углах — всё это напоминало старый поруб, темницу для тех, кого не хотят выпускать. Но постеленный на нары войлок и чистая одежда сиделки сбивали с толку.

Евдокия уложила его голову обратно на подушку.

— Так как же Вас величать-то?

Он снова не успел ответить. Воздух в комнате вдруг затрещал, как сухая ветка в костре. За спиной Евдокии вспыхнул свет, который, словно невидимый нож, распорол само пространство. Треск усиливался, разрыв ширился, обнажая за собой лишь густую, маслянистую тьму.

Из этого провала на пол кубарем вывалился Тихомир в рваной одежде, а следом за ним, величественно и плавно, вышла женщина. Как только её ноги коснулись пола, разрыв захлопнулся с громким хлопком, обдав комнату волной ледяного воздуха, от которого задрожало пламя свечей.

Родомир, всё ещё слабый, с трудом сфокусировал взгляд. У неё были иссиня-чёрные волосы до плеч, которые чуть растрепал магический ветер, и круглое, удивительно милое лицо. Но больше всего поражали глаза — зелёные, как чистый малахит, они смотрели на него с холодным любопытством.

Сдув прядь волос со лба, она протянула ладонь. На её ладони лежал перстень с изумрудом, зажатый в золотой драконьей лапе.

— Откуда у тебя это? — спросила она тоном, не терпящим возражений.

— Этот перстень... отдал мне дядя, — прохрипел Родомир.

— Его зовут Колояр? — она подалась вперёд, глаза её блеснули.

— Да.

— Живой, значит... — на её лице промелькнула мимолётная улыбка. — А твоя мать? Агидель? Тоже жива?

— Да. С чего бы ей быть неживой?

Женщина задумалась, бормоча что-то неразборчивое под нос.

— Как тебя зовут?

— Родомир.

— Откуда ты?

— Любеч...

— Хорошо, Родомир. Отдыхай, набирайся сил. Когда окрепнешь — мы поговорим. Варна повернулась к слугам: — Продолжайте поить его настойками. Станет хуже — бегом ко мне. Сообщите сразу, как придет в форму.

Она сделала несколько круговых движений ладонью, шепча заклинание, и перед ней снова открылся чёрный зев разрыва. Она вошла в него, и когда тьма схлопнулась, все свечи в комнате погасли.

Прошло несколько дней. Родомиру стало лучше, и сегодня он впервые решился встать. Евдокия шепнула, что его лечили «особыми средствами», поэтому ноги его слушались, но мышцы за месяц беспамятства совсем ослабли.

Потев и задыхаясь, он сделал два шага, но услышал, как открывается дверь. Родомир попытался быстро лечь обратно, но равновесие подвело его. Он инстинктивно выбросил левую руку, чтобы ухватиться за край нар... и рухнул на пол.

Левая рука не нащупала опоры. Её просто не было.

Тихомир подскочил и помог ему сесть на край кровати.

— Ну, что же ты, парень! Рано тебе ещё прыгать!

— Бежать хотел, — отшутился Родомир, ловя ртом воздух. — Зовите вашу хозяйку. Раз я могу падать, значит, могу и говорить.

Тихомир ушёл за барыней, оставив дверь открытой. В поруб ворвался свежий осенний воздух и пара жёлтых листьев. Пока Евдокия наливала ему похлёбку, Родомир смотрел на то место, где раньше была его рука. Это не было сном — он потерял руку и проиграл тот бой. Слёзы сами покатились из глаз, но он быстро их смахнул. Он был жив. Это главное.

Вскоре в дверях появилась «барыня». На этот раз Родомир разглядел её во всех подробностях. Зелёный сарафан в цвет её глаз идеально подчёркивал фигуру, а золотая брошь в форме змеи с чёрными ониксовыми глазами сверкала на груди. Белоснежная рубаша с глубоким вырезом открывала вид, на котором Родомир невольно задержал взгляд.

Она заметила это и насмешливо улыбнулась.

— Тихомир, Евдокия, оставьте нас! — строго приказала она. Когда они вышли, она добавила: — И для начала, Родомир, я попрошу посмотреть мне в глаза.

— Да... здравствуйте. Я просто... на брошь засмотрелся, — сконфузился он.

— Мне доложили, что ты порывался убежать. Но ты не выглядишь как человек, способный на побег.

— Бежать я не могу, сударыня, — сухо ответил он. — Но очень хотелось бы. Смущает меня такой приём: то ли я пленник, то ли незванный гость. Кто вы? И где я?

— Я Варна, волшебница при дворе царя-батюшки Всеволода Владимировича.

— Колдунья, значит. Ведьма, — язвительно подметил Родомир. — И я, выходит, в Воландрии.

— «Колдунья» — это ещё куда ни шло, но «ведьма» — это оскорбительно! — Варна не скрывала злости. — Ведьмы в лесах из жаб и слёз девственников жижуху варят! А я творю магию во имя добра.

— Поди уж тут разбери, где зло, а где добро! Вот я для вас — зло, раз из Понтии?

— Это зависит от того, как ты ответишь на мои вопросы. Если ты настроен враждебно — я тебя уничтожу. И никакой дилеммы.

Родомир лишь усмехнулся:

— Выходит, вы сами определяете, кто на какой стороне? А что, если я считаю несправедливыми вас? Ведь всё не так однозначно.

— Хватит! — Варна повысила голос. — Я не для того сюда пришла, чтобы спорить о дихотомии добра и зла. Типичный мужчина: как только прижмут к стене — начинает философствовать. У меня есть вопросы, и мне нужны ответы.

Она сделала глубокий вдох, походила из стороны в сторону и уже спокойнее продолжила:

— У меня много дел. Скажи, Родомир, сын Яромира... как ты относишься к этой войне?

— Плохо. Нас учили, что мы братья. Но я солдат. Я делаю, что велят. И клянусь, ни одного воландрийца я не убил из ненависти — только чтобы самому не сдохнуть.

— А сдаться? Сбежать?

— Так ваши в плен не берут, а наши за провинность казнят. Видите, что со мной сделали? — он указал на обрубок руки.

Варна вздохнула.

— Ваши бояре умеют вбивать ненависть в головы. Понтии годами внушали, что мы звери. Твой нынешний король Данияр узурпировал трон, убив твоего отца, и теперь пляшет под дудку эльфов, которые сулят ему наши земли. Мы атаковали первыми только потому, что знали: Понтия готовит ударный кулак на западе. Это был удар на опережение.

Родомир замер.

— Мой отец... был королём Понтии?

— Ты не знал? — она искренне удивилась.

— Мне говорили, он был охотником и погиб в лесу.

— Ну, теперь знаешь больше, — она улыбнулась. — Твой отец, Яромир, был другом нашего царя. Ты — законный наследник Понтии. В тебе сила отца и магический дар матери. Ты мог бы занять его место и закончить всё это.

— Мне не нужно это, Варна! — отрезал Родомир. — Я хочу простой жизни. Любить жену, растить сына. Политика и ваши интриги меня не интересуют. Просто отпустите меня... Какой из меня теперь воин?

Варна молча смотрела на него.

— Я поняла тебя. Нужно подумать.

— Постой! — он протянул ей свёрток бумаги. — Отправьте весточку домой. Пусть знают, что я жив. Адрес там указан.

Она взяла бумагу, коснулась флакона на своей шее и исчезла в разрыве пространства.

Тихомир запер дверь снаружи. Снова тишина. Родомир лежал и думал о словах Варны. Перед глазами встало воспоминание: пожар в городе, он на руках у женщины, двое мужчин о чём-то спорят на фоне пламени. Мать уводят прочь...

Почему дядя Колояр молчал? От чего они хотели его уберечь? Вопросов к матери и дяде стало ещё больше. Он допил остывшую похлёбку и закрыл глаза. Теперь он знал, чья кровь течёт в его жилах, но эта правда была тяжелее, чем потерянная рука.

Глава 7

Несмотря на совсем ещё раннее утро, Родомир бодрствовал. Сон не шёл к нему, и он коротал время за чтением, монотонно расхаживая из угла в угол крохотного помещения.

Вдруг за дверью послышался резкий звук: тяжёлый дверной засов со скрежетом отошёл в сторону. Двери распахнулись, и в комнату вошла Варна.

За её спиной возвышался воин поистине внушительных габаритов. Это был мужчина средних лет, чьё серьёзное, мужественное лицо обрамляла пышная золотистая борода с заметными нитями седины. Его монументальный вид сам по себе внушал невольное уважение — он казался скалой, облачённой в сталь. На витязе был кольчужный доспех, поверх которого была надета байдана. Родомир присмотрелся к её плоским кольцам: на каждом виднелась сложная, трудночитаемая гравировка, похожая на защитные руны. То, что гость был безоружен, Родомир отметил как добрый знак — значит, его больше не воспринимали как опасную угрозу, которую нужно держать под прицелом меча.

— А ты не торопилась с очередной встречей — месяц почти прошёл! — возмутился Родомир, захлопывая книгу и обращаясь к Варне.

— Родомир, познакомься, это Святогор — темник в армии нашего почитаемого царя, — произнесла Варна холодным, ровным тоном, совершенно не обратив внимания на его колкость.

Родомир протянул руку этому статному мужчине и получил в ответ такое крепкое рукопожатие, что кости едва не хрустнули.

— Это с ним мы нашли тебя в рубежном лесу, — добавила волшебница.

Родомир благодарно кивнул Святогору, и тот ответил коротким, тяжёлым кивком.

— В общем, царь в курсе твоего существования, — продолжила Варна, чеканя слова. — Заставлять тебя биться на нашей стороне он не намерен, хотя, честно сказать, ему жаль, что сын старого друга не хочет отомстить за отца.

— А он за старого друга почему тогда сразу не отомстил?! — вскипел Родомир, и его голос сорвался на крик. — Да и ты меня видела? Какой из меня теперь мститель?!

Говоря последние слова, он с глубокой тоской в глазах показал на свой пустой рукав и искалеченную культю.

— Я договарю? — Варна повысила голос, осаживая его ледяным взглядом. — Ходить ты уже начал, пусть и не вприпрыжку. Посему ты вернёшься домой, в Любеч, со Святогором. Но сначала он отведёт тебя к нашему старшему знахарю. У нас есть для тебя подарок перед твоим отъездом.

Лицо Родомира преобразилось. Он расплылся в счастливой улыбке, о которой, казалось, забыл навсегда.

— Домой... — еле слышно, почти одними губами произнёс он.

— Да, домой, — Варна на мгновение смягчилась и тоже улыбнулась.

— Так ведь Любеч-то под Понтией! Зачем мне туда со Святогором? — удивлённо спросил парень.

Тут в разговор вмешался Святогор. Его бас был настолько глубоким, что, казалось, завибрировал сам воздух в помещении:

— Мы отбили город несколькими днями ранее. Я прибыл ко двору отчитаться об успехах, теперь мне нужно вернуться в Любеч к своим людям. Заодно и тебя прихвачу с собою, проведу через все наши дозоры.

— Всё, мужчины, я вас оставляю. Святогор, займись им, как я говорила, — бросила Варна и мгновенно скрылась в только что открывшемся чёрном разрыве пространства.

— Сука заносчивая. Раскомандовалась, — проворчал Святогор, когда магический след растаял.

Родомир удивлённо посмотрел на него и внезапно для самого себя залился искренним смехом.

— Извини, я думал, вы с ней ладите.

— Да где там. Давно бы башку ей снёс, если бы не воевода и царь, — Святогор досадливо помотал головой из стороны в сторону. — Слишком уж они этой бабе доверяют.

— Понимаю, мне она тоже не очень нравится. Ну, Святогор, может, пойдём? — спросил Родомир. — Пожитков у меня тут всё равно нет, потому и собирать нечего.

— Погоди, оденься хоть, а то куда ты в этой мешковине пойдёшь. Тихомир, пойдёшь сюда!

В комнату вошёл Тихомир, неся в руках боевое обмундирование Родомира, и протянул его Святогору.

— Мне-то они на кой?! — гаркнул на него темник. — Ему отдавай!

Родомир начал надевать доспех, с удивлением оглядывая каждую деталь своего снаряжения. «Надо же, подлатали!» — подумал он с благодарностью, затягивая ремни. Когда он закончил, они оседлали лошадей и отправились в город, который находился в паре вёрст пути через густой осенний лес.

— Так какой у нас план? — обратился Родомир к Святогору, когда копыта коней мерно застучали по тропе.

— Как сказала Варна, сейчас едем к знахарю. У него в гостях целитель какой-то, из империи Уней, что-то они с тобой будут делать там, мудрить.

— И что же именно?

— А я почём знаю? — Святогор развёл руками. — Но вреда точно не причинят. Как они закончат, так и поедем. Не бойся. Слушай, Родомир, а как так случилось, что мы тебя нашли в таком состоянии, причём в стороне от основной битвы?

— Слышал, может, про Дира? Его ещё «Мясником» кличут. С ним схлестнулся.

— Про этого слышал. Опасный и жестокий упырь, судя по слухам. Сейчас говорят, он возле Златецка, помогает какому-то хую чужеземному, который против нас воюет — готовят город к обороне. Из-за чего рубились-то?

— За то, что я не сражался с вами в тот день.

— А чего не сражался?

— Я не убийца, Святогор. В тот день у нас был большой численный перевес, и я решил, что не буду участвовать в этой резне. Хотя стоит отдать должное, ваши парни держались в меньшинстве неплохо. Потом моё безучастие увидел Дир, и ему, наверное, это не понравилось. Послал за мной своих людей, а когда люди кончились — пришёл сам.

— То есть ты убил его людей? — Святогор рассмеялся, оценив силу парня.

— Ну да.

— А говоришь, что не убийца!

— Я имею в виду, что мне не доставляет удовольствия безрассудное, бессмысленное кровопролитие. Но если произошло так, что передо мной противник и тут ясно, что кто-то из нас умрёт, то я предпочитаю, чтобы это был не я, — твёрдо ответил Родомир.

Святогор одобрительно посмотрел на него, затем произнёс: «Почти приехали».

Они проезжали деревню перед стенами города. Это была гряда бревенчатых, неаккуратно сложенных и беспорядочно наставленных на местности изб. Избы окружали стены замка и удалялись от них к лесу на полверсты.

— Святогор, а как вы меня нашли в этом поле? — спросил Родомир.

— О, это было совсем несложно. Магичка чего-то там почувствовала. Потом, оглядев местность, подскакала к тебе, спустилась, осмотрела. Что-то нашла у тебя, наколдowała заклинание, чтобы ты не умер сразу. Я дал ей двух человек, и через разрыв они перенесли тебя в Царьград.

Святогор указал рукой на огромные металлические ворота, к которым они как раз подъехали. Они располагались в каменной стене толщиной, наверное, в пять саженей и такой же высоты. Стражники почтительно приветствовали темника кивком головы.

Когда они въехали в сам город, Родомир изумился местному убранству. Здешние дома были сложены из точёных, почти идеально круглых брёвен. Все элементы — свесы крыш, окна, двери — были украшены такой тонкой резьбой, что трудно было отвести глаз. Дома стояли ровно, словно по натянутой нити, вдоль мощёной дороги, ведущей к царскому двору. Люди празднично шатались по улицам, кто-то весело смеялся — война здесь казалась чем-то бесконечно далёким.

Ближе к царскому двору располагались торговые ряды и двор мастеров. Здесь былолюдно; люди разных сословий и национальностей улыбались и радовались жизни. Торговцы наперебой предлагали свой товар, скоморохи танцевали и пели песни. Жизнь здесь кипела.

Родомир обратился к Святогору:

— По этим людям нельзя сказать, что страна находится в состоянии войны. Веселятся, словно ничего не происходит.

— Для них война где-то там, далеко, вот и веселятся. Но я их не осуждаю: воевать должны те, кто умеет или сильно хочет. Хотя они могли бы делать это и не так открыто, не все думают так же, как я.

— Другие воины злятся?

— Есть такие... Много их. Вот мы и прибыли.

Они остановились перед стеной в два человеческих роста, окружавшей царский двор. Стражники у массивных ворот, завидев Святогора, тут же начали их открывать.

— Вас ждут, — бросили они, впуская всадников внутрь и закрывая створки за их спинами.

Они остановились перед лестницей. Дворец состоял из отдельных зданий, соединённых переходами; стены были выложены из красного, почти бордового камня. Часть помещений венчали шпили, другие — сводчатые крыши с изумрудной черепицей. Сопровождающий витязь молча указал жестом следовать за ним. Внутри всё было расписано фресками с подвигами древних царей Воландрии.

В одном из залов к ним подбежал странный мужичок с перекошенным лицом и в смешном колпаке. Он что-то настойчиво просил у витязя. Тот бросил ему медяк, и мужичок, улюлюкая, затанцевал от радости, хотя это больше напоминало конвульсии.

— Это кто? — спросил Родомир.

— Да это Абрашка — дурачок местный, — ответил витязь.

— Ну, вообще-то, неплохой воин был, — вставил Святогор. — Говорят, лет пять назад на востоке варвары набеги устраивали с моря, так он в гарнизоне был. Армия не успела с подмогой, их там всех положили, а кого нет — пытали. Абрашку живого нашли с тремя гвоздями в голове. Он говорить тогда мог, только на боли жаловался, а как знахари первый гвоздь вытащили — его и перекосило всего. Ну чего делать было, подумали: пусть хоть хоромные залы да конюшни убирает. Такая вот история.

Они остановились перед палатой. Бородатый старичок в рясе выглянул из двери:

— Ну! Где вас черти носят,ходи быстрее! — прокричал он Родомиру. Святогор хотел войти следом, но старик отпихнул его: «Только он!» — и захлопнул дверь.

В палате ждал незнакомец в балахоне и маске дракона. В центре стоял стол с ремнями, царапинами и бурыми следами крови. Старик усадил Родомира и заговорил:

— Да, выглядишь ты неважно, исхудавший, бледноват. Ну, раз больше никого не нашли... — он пожал плечами. — Сейчас слушай: вот этот монах — мой соратник, приехал с юга, они там хорошо продвинулись в целительстве.

Старик принёс со стеллажа предмет, завернутый в тряпку. Когда он развернул ткань, Родомир увидел руку. Она была железной и напоминала человеческую, с которой грубо содрали кожу и мясо, обнажив её кости.

— Вот! — выпалил старик. — Сейчас мы тебе её приделаем! — и залился басистым смехом, от которого стало не по себе. — Сейчас ляжешь на стол, сделаем укольчик, дадим настойку, и ты уснёшь. А проснёшься с двумя руками! Это чудо! — он забавно помахал железной рукой перед лицом парня.

— И многим вы вернули руки? — поинтересовался Родомир.

— Ну... Ты первый, — ответил старик. — Но ты не бойся.

— Выходит, это опыт. Я могу отказаться?

— Не думаю.

Родомир почувствовал укол в шею, и в глазах потемнело. Он очнулся прикованным к столу. Ремни врезались в кожу. Над ним нависали старик и монах в маске. Знахарь поднёс флакон с зелёной жидкостью:

— Пей! Пару глотков, и уснёшь. Поверь, лучше тебе выпить.

Родомир понял, что деваться некуда, и сделал два глотка.

— Вот так. Теперь лежи чуток. Перед тем как ты уснёшь, скажу: до тебя были другие, но никто не выжил. Металл этот чудной, прочный, но не приживается он. Кто дня не протянет, кто за неделю сгорает — железка эта все силы высасывает. Но Варна сказала, в тебе магия есть, ты проводник её. Не знаю, как это связано, но я ей верю, она баба умная.

Последние слова старика Родомир слышал так, будто тот говорил их из-за тяжёлой закрытой двери. Веки тяжелели, слух притуплялся. Всё затихло — он провалился в забытие.

Когда Родомир снова пришёл в сознание, он всё ещё оставался прикованным к столу.

— Эй! Старик! Знахарь, мать твою! — крикнул он.

Никто не отозвался. Родомир приподнял голову, и первое, на что упал его взгляд, была рука. В глазах всё ещё стоял мутный туман, но он видел: железная рука теперь была продолжением его тела. Родомир попробовал шевельнуть большим пальцем — и тот послушно дернулся. «Чудо!» — прошептал он.

Дверь отворилась. Старик подбежал к нему с градом вопросов:

— Как себя чувствуешь? Давно ли очнулся?

— Вы какого хера меня к столу прикованным оставили?!

— Это только для твоей безопасности, сынок. Так как? Чувствуешь себя хорошо?

— Да нормально всё! Отвязывай меня, старик!

Знахарь принялся торопливо расстегивать ремни. Когда он закончил, Родомир неторопливо принял сидячее положение; голова предательски кружилась. Он начал внимательней осматривать металлическую конечность: двигал пальцами и завороченно смотрел, как двигается множество стержней, которые выходили из его культи, и как металлические сухожилия приводили в движение каждый из пальцев.

— Она и вправду работает! — восхитился Родомир.

Старик лишь неловко улыбнулся в ответ. В этот момент в зал вошёл Святогор. Знахарь попытался выпроводить его, но темник просто оттолкнул старика и отвесил ему пинка.

— Ты уже останавливал меня сегодня, старик. Заставил ждать, ничего не объясняя. Хватит!

Родомир заметил, что военачальник был изрядно пьян.

— Святогор, ты где так набрался?

— Ну да, немного переборщил. Я устал вас ждать. Тебе известно, что уже почти ночь? Нам пора выдвигаться.

— Ну тогда выдвигаемся, — устало ответил Родомир.

— Иди за мной! — Святогор махнул рукой и пошагал к выходу.

— Ему нужен отдых! — крикнул знахарь вслед.

— Цыц, старикашка, а то ещё раз садану в гузно!

— Если тебя раненого привезут, не рассчитывай на лечение после таких выходов! — обиженно выкрикнул старец.

Святогор замер в дверях, обернулся и посмотрел на старика так грозно, что тот побледнел.

— Я, дед, вернусь либо со щитом, либо на щите! — бросил он и вышел.

Родомир спрыгнул со стола, намереваясь последовать за ним. Однако, едва он встал на ноги, его охватила сильная слабость. Но он преодолел себя — желание оказаться дома было сильнее. Он настиг Святогора во дворе. Тот пытался взобраться на коня, но свалился спиной на землю.

— Вот же нажрался! Родомир, помоги мне сесть в седло!

Родомир посмотрел на него и понял, что с отъездом стоит повременить.

— Святогор, ты уверен? Сможешь проделать путь в таком состоянии?

Тот приподнялся, тяжело выдохнул и признал:

— Не, братец, давай до утра. Там всё равно дело не прямо срочное. Пойдем снаружи переночуем, не по чину нам в царском дворе отдыхать.

Луч утреннего осеннего солнца разбудил Родомира. Он быстро поднялся и пошёл будить спутника, но Святогора в комнате не оказалось. Спустившись к хозяину кабака, Родомир был окликнут самим военачальником.

— Долго спишь! — пробасил Святогор. — Лошади готовы, можем ехать.

На нём не было ни малейшего намека на похмелье.

— Слишком свежо выглядишь для человека, который вчера валился с ног, — констатировал Родомир.

— Ой, да не было такого, наговариваешь! — отшутился Святогор, залезая в седло. — Я и меч для тебя прихватил, но он пока побудет у меня. Сбоку щит — это твой.

— Думаешь, могут быть неприятности по пути?

— Лучше перебздеть.

На второй день пути лесную тропу преградила перевернутая телега, заваленная коврами и тканями. Святогор скомандовал спешиться.

— Кажется мне, здесь засада, — произнёс Родомир.

В тот же момент просвистела стрела. Родомир вскинул щит.

— Держи! — Святогор бросил ему меч.

Из-под завала вынырнули двое людей и гном. Родомир крикнул:

— Я возьму на себя лучников!

Он рванул вверх по холму, принимая стрелы на щит. Сблизившись с первым лучником, он ударом щита выбил у него лук и тут же прикончил колющим ударом в шею. Третий стрелок тянулся за новой стрелой, но Родомир, размахнувшись, метнул в него свой щит. Тот ребром врезался лучнику в лицо — человек упал. Оставшись один на один со вторым противником, Родомир взял меч в двуручный хват и молниеносно рубанул снизу-вверх, разрубая оппоненту лицо.

Тот лучник, который был обезврежен щитом, всё ещё дышал: лицо вмялось внутрь, изо рта шла кровавая пена. Родомир заколол его, прекращая мучения. От усталости он упал на колени, но, вспомнив о Святогоре, встал. С холма он увидел, как витязь борется с гномом. Святогор оступился и упал, гном занёс двуручный молот. Родомир схватил лук и выстрелил. Стрела лишь скользнула по шлему, но это отвлекло гнома. Святогор вскочил и вонзил меч гному под подбородок так, что остриё вышло из затылка.

Позже они обнаружили, что двое нападавших были эльфами.

— Говорят, гномов не видели со времён истребления драконов, да ещё и в компании эльфов, — заметил Родомир. — Кто они?

— Хочется верить, что разбойники. Но боюсь, на меня открыли охоту, — Святогор был серьёзен. — Политика — это вонючее болото. Поэтому я предпочитаю поле битвы, там всё честно.

У выхода из леса они сделали привал. Родомир мечтательно улыбался у костра:

— Соскучился по родным. Заживу мирной жизнью, отстрою дом, буду сына воспитывать. Типичное человеческое счастье.

— Не знаю. Как по мне — скука. Для меня нет ничего лучше битвы! — Святогор рассмеялся, но потом добавил тише: — А родных у меня нет. Я сам из Понтии, и когда началась война, выбрал Воландрию. Родные разорвали со мной все связи.

— Да, война разлучает людей разными способами, — подытожил Родомир.

— Ладно, спи. Надо встать пораньше.

Родомир накрылся шкурой. Он нащупал рукоять меча и металлическую прохладу новой руки, пытаясь уснуть.

Глава 8

— Вот и город показался. Гляди, уже зажигают вечерние огни на стенах, — пробасил Святогор, указывая вперед массивной рукой.

Родомир ответил лишь коротким кивком. Его лицо светилось от непривычного, почти забытого счастья, а на глаза наворачивались слезы. Он возвращался домой, и в его душе крепла уверенность: для него эта проклятая война наконец-то окончена.

Когда они миновали дозорных и поравнялись с городскими укреплениями, Святогор снова заговорил, нарушая тишину:

— Спасибо, что помог вчера в лесу. Тот последний, с молотом, мог доставить немало неприятностей, — витязь скупое, но искренне улыбнулся.

Родомир не отреагировал. Он просто не слышал друга: все его мысли уже перешагнули порог родного дома. Он отчетливо представлял, как ворвется в трактир, как обнимет жену и мать, как засияют их глаза, когда они увидят его живым.

— Родомир! — громче крикнул Святогор, вырывая его из грез.

— А? Да, прости... я немного замечтался.

— Я говорю — благодарствую за помощь, — повторил витязь.

— Не благодари, — отмахнулся парень. — Любой на моем месте поступил бы так же.

— Не каждый, — Святогор тяжело вздохнул, — к тому же, мы на воюем.

— Только не мы с тобой, — ухмыльнулся Родомир и дружески положил руку на плечо военачальника. — Слушай, может, заскочишь в гости? Всё равно уже вечер. Завтра с утра принялся бы за свои дела, как говорится — утро вечера мудренее. Ну, что скажешь?

Святогор на мгновение задумался, но покачал головой:

— Благодарю за приглашение, друг, но, возможно, в другой раз. Сейчас лучше не откладывая заняться делами. Думаю, в ближайшие дни мы будем нужны на севере, у Златецка. Нужно прибыть туда с запасом времени, пока враг не укрепился.

— Будете брать город?

— Да. Сейчас там собираются войска. В Царьграде подтвердили: оборону возглавит Дир и какой-то иностранный герцог. Тамошний городской посадник — вояка никудышный, на него надежды нет. Может, ты всё-таки передумаешь? Пошли с нами, я буду рад твоей компании и твоему клинку. Пора бы уже окончательно выбрать сторону, Родомир. Поквитаешься с обидчиком.

— Нет, Святогор. Ни мстить, ни воевать я больше не хочу. Пусть Дира боги наказывают, а я без нужды больше не возьму в руки оружие, — смиренно, но твердо произнес Родомир.

— Боги никому не мстят, — угрюмо отозвался Святогор. — Они карают только слабых и невинных.

— Да и за что мстить? Бой-то честный был. Мое счастье, что жив остался, — Родомир снова улыбнулся, невольно разглядывая свою новую механическую руку.

— Может, ты и прав. Но я бы на твоём месте не упускал второй шанс и порубил бы сучонка на куски! — Святогор в сердцах погрозил кулаком пространству.

— Хорошо, что я — не ты, — рассмеялся Родомир.

— Ладно. Нет так нет. Пойдем каждый своей дорогой. Прощай, Родомир. Хороший ты парень. Авось еще свидимся.

— Надеюсь. Хороший ты мужик, воевода. Удачи тебе в походах!

Пожав друг другу руки, они разъехались. Святогор направился к городским воротам, а Родомир, наслаждаясь тишиной сгущающихся сумерек, поскакал вдоль деревни, прижавшейся к стенам замка. Его путь лежал к самому краю поселения, где у тракта стоял их семейный трактир «Резвая кобыла» и родной дом.

Он медленно вел лошадь по деревенской улице. Странно, но соседи, узнававшие его в предвечерней мгле, не спешили с приветствиями. Напротив — завидев его, люди торопливо скрывались в своих хатах, гремя засовами. Родомир счел это странным, но списал на общую тревогу военного времени. Лишь когда он приблизился к подворью, ледяной холод сковал его сердце.

У трактира было неестественно темно. Подойдя ближе, он увидел, что фасад здания превращен в месиво из щепок и камня, словно в него прямой наводкой попал снаряд камнемета. Под копытами лошади хрустели обломки забора. Там, где раньше располагался уютный гостевой дворик, теперь зиял неглубокий, но широкий кратер, выжженный в земле.

Родомир спешил, ноги его стали ватными. На земле что-то тускло блеснуло. Он нагнулся и отшатнулся в немом ужасе: это было кольцо его матери. Оно всё еще было надето на палец левой руки... вот только рука была отделена от тела. Рядом, в дорожной пыли, покоилась и вторая. Ужас был столь велик, что крик застрял в горле комом, не давая вздохнуть.

Стемнело окончательно. Дрожащими руками он зажег факел и бросился к дому. Пробега мимо поленницы, Родомир учуял густой гнилостный запах. Он направил свет в сторону дров, и сердце едва не выпрыгнуло из груди. На чурке для колки дров лежало обезглавленное тело его дяди Колояра. Сама голова валялась чуть поодаль, уставившись остекленевшим взглядом в пустоту.

Его трясло так, что факел едва не выпадал из рук. Холодный пот заливал глаза, в ушах стоял неистовый звон. Родомир больше не мог бежать — он просто брел к старому дубу, чувствуя, как мир вокруг рушится.

Свет факела выхватил из тьмы финал этой кровавой драмы. Его мать, лишенная рук, была заживо пригвождена металлическими прутьями к могучему стволу дерева. А на одной из нижних ветвей, совершенно нагая, раскачивалась его жена Деяна. К её руке тонким пояском был привязан их маленький сын... крохотное тельце было синим от удушья.

Родомир рухнул на колени. Из его груди вырвался такой страшный, животный крик, что его, казалось, слышали даже за высокими стенами замка. А затем сознание милосердно покинуло его.

Он пришел в себя во второй половине дня. Глаза открывать не хотелось — теплилась безумная надежда, что всё это лишь кошмар, порожденный лихорадкой. Но зловоние, разносившееся по двору, свидетельствовало о страшной реальности.

Родомир открыл глаза. Лицезрение обезображенных тел родных заставило его сердце облиться кровью. В голове пульсировала лишь одна слабая надежда: сестры нигде не было видно. «Может, она спаслась?» — пронеслось в мыслях. Сил плакать не осталось, гнев выжег всё внутри, оставив лишь один вопрос: «Кто?!»

Он увидел, что дом сожжен дотла. Нужно было искать ответы. Родомир поднялся и, пошатываясь, направился в деревню. Он стучал в двери ближайших хат, но за ними царила гробовая тишина. Он шел дальше: глаза красные, лицо бледное, движения механические. Люди шарахались от него как от живого мертвеца.

Только один мужик не ушел, продолжая методично рубить дрова. Родомир подошел к нему. Его голос звучал ровно и пусто:

— Будь здоров, мужик. Почему же ты не бежишь от меня, как остальные?

— И тебе не хворать, — мужик остановился и вытер лоб. — А чего мне прятаться? Это приспособленцы окрестные боятся, что власть завтра снова сменится, и им припомнят, как они с сыном предателей калякали.

Глаза Родомира вспыхнули яростью, рука сама легла на рукоять меча. Крестьянин попятился:

— Погоди, парень! Не так ты всё понял. Послушай сперва, что тут творилось, тогда и суди.

— Говори. Быстро.

— Пару недель назад проскакал тут иноземный герцог со свитой. Охраны — тьма, нас всех по хатам загнали, у каждого двора по два солдата поставили. А сами к трактиру твоей матери подались. Сказали, король велел взять под стражу всех, кто с новой властью не согласен, чтобы в городе прилюдно казнить. Мы подробностей не видели, но те, кто ближе живет, слышали и грохот, и гул, и звон стали. У меня в хате посуда на полках дребезжала! Долго рубились.

Мужик перевел дух и продолжил:

— А потом туда сам король Данияр примчался, я в щель видел. А чуть погодя в то место ударила огромная молния. Говорят, она не гасла долго, всё била и била в одну точку, пока всё не затихло. После этого солдатня вытащила из домов людей — и мужиков, и баб, и ребятню. Тех, кто рядом жил, и еще из дюжины хат по деревне. На следующий день их всех на площади казнили как предателей короны. А с твоими... с твоими на месте расправились, прямо во дворе. Не серчай на мои слова, я лишь правду рассказываю.

— Почему их не похоронили? — глухо спросил Родомир.

— Запрет был. Под страхом смерти запретили к подворью приближаться. А когда понтийцы в город вошли, там уж и тела загнили, никто мараться не захотел.

— Понял. Спасибо тебе, мужик.

— Соболезную я тебе, Родомир. Истинное горе.

Родомир лишь кивнул и побрел к замку. Его разум, затуманенный жадой мести, пытался воссоздать картину того дня, но гнев мешал рассуждать здраво. Люди на улице шептались, провожая его взглядами, но он не замечал их. Он не заметил даже того, как прямо перед ним у городских ворот остановились два всадника.

— Друг мой! Что случилось? На тебе лица нет!

Родомир поднял взгляд. Перед ним были Святогор и Варна.

— Случилось. Они все мертвы, — его голос был пугающе спокойным, только зубы скрипели так, что казалось — раскрошатся.

— Кто?! — голос Святогора дрогнул. — Твоя семья?

Вместо ответа Родомир просто посмотрел витязю в глаза. Тот всё понял без слов. Святогор спрыгнул с коня, подошел и крепко обнял парня.

— Друг мой... я соболезную. Мне не дано понять твое горе, но я оплакиваю их вместе с тобой.

— Спасибо. Но я пришел просить об одном: возьми меня в свое войско, — с едва заметной дрожью произнес Родомир.

— Ты знаешь, я найду тебе место. Но уверен ли ты, что сейчас это верное решение?

— Уверен. Дай мне два дня, чтобы предать их земле.

— Друг, прости... — Святогор отвел глаза. — Я не могу ждать два дня. Войско не может. Я их по тревоге поднял, мы уже выступаем на север. А тут Варна из своего разрыва свалилась как снег на голову. Сказала, что у тебя беда и может помощь понадобится. Я и бросил солдат, поехал с ней проверить...

Родомир подозрительно взглянул на волшебницу. Она, не смутившись, протянула руку, на ладони которой лежало его кольцо:

— Ты забыл его в Царьграде. Вчера я увидела, что внутри камня пульсирует алое свечение, ярко-ярко, а потом оно погасло. Я поняла, что это знак связи с хозяином, и решила найти тебя. Родомир... прими и мои соболезнования. Ужасно всё это.

— Спасибо за заботу, Варна, — с холодным недоверием ответил он, забирая кольцо. — Хорошо, Святогор. Я сделаю, что должен, и нагоню вас. До встречи.

— Я останусь с тобой, — вмешалась Варна. — Мне нужно кое-что тебе показать.

— Тогда до встречи в лагере! Жду тебя и твой меч! — крикнул Святогор и, вскочив в седло, умчался к войску.

— Мне кажется, я видел достаточно за последние сутки, — бросил Родомир Варне, разворачиваясь назад к руинам трактира.

— Позволь мне помочь. Не нужно нести это в одиночку.

— Если хочешь, — безразлично бросил он.

Когда они вошли во двор, Варна вскрикнула и порывисто прикрыла рот ладонью. Она медленно обходила тела, пока не замерла у дуба. По её лицу катились слезы. Родомир вскользь подумал, что под маской интриганки всё же скрывается живая душа. Помолчав, она обратилась к нему дрожащим голосом:

— Родомир, послушай... только не злись. Я не хочу осквернять память твоего дяди Колояра, но магия может показать нам, что он видел в свои последние мгновения.

Сначала в Родомире вспыхнуло возмущение — осквернять тело близкого человека черным колдовством?! Но потом он взглянул на догорающее пепелище дома. Ему нужно было знать правду. Любой ценой.

— Хорошо. Показывай.

Она подвела его к телу дяди. Ей нужна была голова.

— Поставь её на что-нибудь повыше и закрой тканью, — брезгливо поморщившись, попросила Варна.

Родомир обмотал голову Колояра белым полотном и водрузил её на спину тела, лежащего на чурке.

— Спасибо. Теперь возьми меня за руку и закрой глаза.

Они опустили на колени. Варна положила ладонь на голову покойного и начала нараспев читать заклинание на гортанном, чужом языке.

Мир за веками вспыхнул. Сквозь мутную зеленоватую пелену Родомир увидел двух всадников у ворот гостевого двора: это были герцог Витольд и тот самый Дир «Мясник». За их спинами теснились солдаты, а в стороне, стараясь не поднимать глаз, держался его старый товарищ Боян. Герцог что-то кричал матери Родомира, та отвечала резко и гордо. Напряжение росло.

Картинка сменилась: Родомир увидел себя в сарае — он надевал перчатки и вытаскивал тяжелый двуручник. Ссора во дворе переросла в бой. Его мать, Агидель, вскинула руки, и двор накрыл светло-синий прозрачный купол. Те солдаты, что оказались внутри, были заперты в ловушке. Меч в руках Родомира (того, из видения) взмыл в воздух, методично рассекая плоть врагов. Агидель же жгла их заживо пламенем, бьющим прямо из её ладоней.

Но вскоре появился король Данияр. С ним был всадник в черной мантии с золотыми узорами; из-под глубокого капюшона виднелась лишь густая рыжая борода. Король, невысокий и остроносый, в обтягивающих штанах и плаще, обменялся с Агидель парой фраз, словно со старой знакомой. Затем он приказал что-то мужчине в мантии и поспешно ускорился, с трудом взобравшись в седло.

Рыжебородый колдун начал творить чары. Небо заволокло черными тучами, поднялся ураганный ветер. В магический купол Агидель ударила колоссальная молния. Мать Родомира из последних сил сдерживала разряд, пока руки её не начали дымиться.

Затем — хаос. Родомир увидел, как его (из прошлого) скрутили солдаты. Агидель лежала без чувств. Дир подошел к ней и короткими ударами отрубил ей руки по локоть. Затем их выволокли во двор. Его положили на чурку. Агидель пригвоздили к дубу металлическими штырями под ключицы. Из дома вытащили Деяну с сыном на руках. Солдаты вырвали ребенка, отшвырнули его как тряпичную куклу, порвали одежды и начали по очереди насиловать его жену. Агидель беззвучно кричала, прикованная к дереву... А затем взгляд Колояра дернулся, устался в землю, и наступила тьма.

Родомир очнулся в холодном поту. Варна едва держалась на ногах, её глаза закрывались от истощения. Она попыталась что-то сказать, но потеряла сознание. Родомир подхватил её и отнес на сеновал, укрыв шкурой.

Она проснулась лишь на следующий день в полдень. Родомир был у дуба — он уже заканчивал копать могилы. Когда он обернулся, Варна вздрогнула: в его глазах больше не было слез, только перевозданный гнев.

— Ты не спал?

— Не спалось. Перед глазами этот ужас. Но сестру я в видении не видел, и тела её тут нет. Надеюсь, она спаслась.

— Прости, что заставила тебя пережить это снова, — тихо сказала она.

— Брось. Я сам решил. Теперь я знаю их всех по именам. И я доберусь до каждого. Все они заплатят кровью.

— К Данияру подобраться будет непросто.

— В этом мне поможет война. Наступит время, когда он не сможет прятаться за стенами. Тогда я его и убью. А сегодня мы нагоним Святогора. Кстати, кто был тот колдун с рыжей бородой?

— Я не знаю его, никогда не видела раньше, — ответила Варна. Она достала из декольте пустой флакон и досадливо вздохнула. Родомир заметил это.

— Что за флакон?

— В нем магическая эссенция. Вчера он был полон, но темная магия сожрала всё до капли.

— Без неё ты бессильна?

— Нет, но тогда колдовство будет выжигать мою жизненную силу. Я могу состариться за один вечер или просто умереть. Конечно, есть маги, что пьют чужую жизнь, но это запрещено... да и нужен человек со связью с магией, а это редкость.

Родомир усмехнулся:

— Значит, ты боишься стать сморщенной, как коринка?

— А горе быстро тебя отпустило, раз шутки шутишь, — она едко ухмыльнулась в ответ. Парень осекся и молча продолжил работу.

— Я пойду поищу источник, чтобы наполнить флакон, — сказала Варна. — Источники магии мигрируют, их нужно отслеживать. Когда закончишь, мы перенесемся к Златецку через разрыв. Это быстрее, чем на лошадях, так что не торопись.

— А почему бы не наполнить сразу целую бочку?

— Эссенция опасна и нестабильна. Она взрывается, если её не охлаждать. Только холодное метеоритное стекло может её удержать, и толщина стенок имеет значение. Бочка из такого стекла была бы неподъемной.

— Это верно. Но было бы забавно глядеть, как вы таскаете бочки на хребтах, — вставил Родомир.

Варна ушла, а Родомир закончил скорбный труд. Он установил три надгробия из массивных валунов с деревянными табличками. Жена была похоронена в одной могиле с сыном. Родомир стоял перед ними молча. Он не молился — боги покинули его сердце, уступив место жажде крови.

На закате он привел в порядок доспехи и рубаху, развесив их у костра. Затем достал меч, подаренный Святогором. Отличный клинок, сбалансированный, с рукоятью в акул

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.